

Данте.

„НОВАЯ
ЖИЗНЬ“
(Vita nuova)

Переводъ въ стихахъ съ введеніемъ и комментариемъ
проф. М. И. Диверовской.

САМАРА.
Типография Штаба 4-й армии
1918 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Вступление.

В той части книги памяти моей, раньше которой мало что можно прочесть, находится рубрика, гласящая: *incipit vita nova* — начинается новая жизнь. Под этой рубрикой я нашел начертанными те слова, которые имею намерение собрать в этой маленькой книжке и если не все слова, то, по крайней мере, их значение.

ГЛАВА I.

Уже девять раз после моего рождения обернулось небо света в своем вращении почти до прежней своей точки, когда моим глазам явилась впервые пресветлая донна моих воспоминаний, которую многие называли Беатриче, не зная кого они так называют.

Она пробыла уже в здешней жизни столько, что за это время звездное небо подвинулось к востоку на одну из 12-ти частей градуса, так что она явилась мне на 9-м году своей жизни, а я ее увидел почти в конце моего девятого года *). Она предстала предо мною одетая в благороднейший цвет, скромный и благопристойный — кроваво-красный, опоясанная и украшенная так, как подобало ее юному возрасту.**)

*) Солнце называется «великое светило, светило мира», в Пургатории XXXII, 52. Считалось, что оно вращается со своим небом вокруг земли в течение года, а земля по средневековой системе составляла центр вселенной, как и другие планеты, солнце тоже имеет вращение, но не свое собственное, а лишь сообщаемое ему хрустальным небом, т. е. перводвигателем Пург. XXVII. 106. Все небо, следуя за звездной сферой, подвигается от запада к востоку на один градус в сто лет.

**) Так как Данте родился в 1265 году, по словам Бокаччо, в мае месяце и имел 9 лет, когда встретил впервые Беатриче, означенный факт падает на май 1274. Не лишено основания утверждение Бокаччо, что эта встреча произошла на празднике 1-го мая.

И здесь я скажу по истине, что дух жизни, обитающий в сокровеннейшей камере сердца, начал дрожать так сильно, что это отразилось ужасным образом в мельчайшем биении пульса, и, трепеща, сказал так: Вот Бог сильнейший меня, который, придя, овладеет мною.

В эту минуту дух животный, обитающий в высоком покое, куда все духи чувств приносят свои восприятия, начал сильно удивляться и, обращаясь к духам зренья, сказал такие слова: Вот явилось Ваше блаженство. И тогда дух естественный, обитающий в той камере, что управляет питаньем нашим, заплакал и, плача, сказал так: О, я несчастный! как часто впредь мне будут мешать. И с этих пор, я утверждаю, Амур завладел моей душою, которая тотчас же ему подчинилась и начал проявлять надо мною столько власти и силы, в чем ему помогало мое воображение, что мне приходилось исполнять все его желанья в полной мере. Он приказывал мне много раз, чтоб я старался увидеть этого юного ангела и в отрочестве своем я часто искал ее увидеть и так благороден и достоин похвалы был весь ее облик, что по истине о ней можно было сказать словами поэта Гомера: Она казалась не дочерью смертного, но Бога. *)

И случилось, что образ ее который постоянно был со мною, хотя Амур и властвовал над мною смело, — обладал таким благородством, что ни разу не потерпел, чтобы Амур управлял мною без верного разумного совета в тех вещах, где такой совет мне полезно было выслушать.

Но так как рассказ о страстях и поступках такой ранней юности многим может показаться басно-

*) Илиада XXIV, 259.

словным, то я остановлюсь тут и, пропуская многие события, о которых можно сделать вывод по примеру рассказанного, — перейду к словам, записанным в моей памяти в дальнейших главах...

ГЛАВА II.

После того, как прошло столько дней, что как раз исполнилось девять лет со времени вышеописанного появления той благороднейшей, настал наконец такой день, когда эта чудесная донна предстала предо мною, одетая в белоснежную одежду, между двух благородных дам постарше ее и, проходя по дороге, она обратила свой взор туда, где я стоял, испуганный; и по несказанной доброте своей, которая теперь получила свою награду в вечности, она поклонилась мне так приветливо, что мне показалось тогда, словно я вижу все пределы блаженства. И час, в который достиг до меня ее сладчайший привет, был как раз девятый того дня; а так как только в первый раз ее слова дошли до моего слуха, я охвачен был такой сладостью, что словно опьяненный удалился от людей и забился в самый отдаленный уголок своей комнаты, чтобы думать там о ней, благороднейшей.

ГЛАВА III.

И когда я думал о ней, на меня снизошел неожиданно сладкий сон и в нем предстало мне дивное виденье: казалось мне, что в комнате своей я увидел облако огненного цвета и внутри его я различил облик мужа страшного вида *) для тех, кто на него взглянет.

И показался он мне сам таким веселым, что удивительно, и в словах своих он выразил многое, но я понял только вот что: вот властелин твой.

*) Это был Амур.

И казалось мне, что я вижу в его руках обнаженное существо, которое спало, обернутое, как мне думалось, в легкую ткань кровавого цвета и когда я посмотрел на него очень внимательно, я узнал в ней ту, которая накануне соизволила мне поклониться. В одной руке, казалось мне, держал он что то, что горело ярко и я услышал такие слова: смотри, вот сердце твое. И немного погодя, он разбудил ту, которая спала и с большим старанием и искусством он заставил ее отведать того, что горело в его руках и она исполнила это с некоторым сомнением.*)

И после этого очень скоро его веселость перешла в горчайший плач и так, плача, он охватил донну своими руками и с нею вместе, как мне казалось, он полетел к небу, отчего я исполнился такой тоскою, что слабый сон мой не мог выдержать больше, он порвался и я внезапно проснулся. И сейчас же я начал размышлять. Я нашел, что час, когда явилось мне это виденье, был четвертый в ночи и таким образом ясно, выходило, что он был и первым часом 9-ти последних часов ночи. И думая о том, что я увидел, решил я рассказать об этом многим знаменитым трубадурам **) того времени. И так как я сам тоже обладал уже раньше искусством слагать слова в рифмы, — я задумал написать сонет, в котором, приветствуя всех верных Амуру, я прошу их объяснить мое виденье, причем я должен был изложить все, что мне приснилось. И тогда я начал этот сонет.

*) Аллегория съеденного возлюбленным сердца своей милой нередко встречается в средневековой поэзии.

**) Следуя провансальской традиции Данте здесь употребляет слово *trovatori*, в других местах *poeti*.

Сонет 1.

К вам души нежных и сердца влюбленных
 От имени Амура я с приветом:
 Кто познакомится с моим сонетом,
 Пусть смысл его откроет потаенный,
 Был третий час на небесах бездонных,*)
 Когда всего богаче звезды светом —
 Дрожу я при воспоминаньи этом,
 Амур предстал моим очам смущенным.
 Он сердце нес мое и ликованья
 Казалось полон был; спокойно спящей
 В его руках, в прозрачном одеянии
 Увидел я мадонну; на прощанье
 От пламенного сердца ей дрожащей
 Отведать дал он и исчез с рыданьем.

Этот сонет разделяется на 2 части: в первой я шлю привет и прошу отклика; во второй я объясняю на что именно нужно ответить.

Вторая часть начинается так: был третий час. На этот сонет ответили многие различными мнениями**); между ними был тот, кого я считаю своим лучшим другом***) и тогда я написал сонет, который начинается так: *Vedesti al mio parere ogni valore.*

И это было началом нашей дружбы с ним, когда он узнал, что пославший ему сонет был я.

Истинное значенье моего сновиденья не было тогда понято никем, а теперь ясно самым простым людям.

ГЛАВА IV.

Со времени этого виденья мой естественный дух

*) Собственно говоря Данте говорить о первой «трети ночи» не указывая точно часа. Перевожу третий час, т. к. эта цифра везде играет у Данте особую мистическую роль как и 9.

***) Между, другими поэтами ответившими Данте был Чино да Пистойя и Данте да Майяно, оба известные поэта того времени.

***) Это был друг Данте и впоследствии его политический противник — Гвидо Кавальканти.

стал терпеть затруднения в своей деятельности т. е. душа моя вся была отдана мыслям о той благороднейшей и я сделался в короткое время таким хрупким и слабым, что многим друзьям тяжело было на меня смотреть, а другие, полные недоброжелательства, старались разузнать от меня о том, что я так хотел скрыть от всех. Но я, понимая все коварство задаваемых мне вопросов, по воле Амура, приказывавшего мне сообразно с велениями разума, — отвечал им: это Амур так властвует надо мною. Я говорил — Амур, потому что на своем лице я носил такие явные знаки его, которых нельзя было скрыть. И когда меня спрашивали, ради кого же тебя так измучил Амур? Я смотрел на них, улыбаясь, и не отвечал им ничего.

ГЛАВА V.

Однажды, когда эта благороднейшая находилась там, где раздаются слова в честь царицы славы*), я помещался в таком месте, откуда мог видеть свое блаженство, а между ею и мною, по прямой линии сидела благородная донна очень привлекательного вида; она оглядывалась на меня часто, дивясь тому, что я смотрю в ее сторону и ей казалось, что взгляд мой кончался как раз на ней, и многие из присутствовавших замечали это и так уверились в том, что когда я выходил оттуда, я слышал, как мне говорили вслед: видел, как эта донна заставляете его томиться! И когда они называли ее, я понял, что эта была как раз та, что сидела по прямой линии, которая вела от благороднейшей Беатриче и кончалась в моих глазах. И я успокоился, поняв, что моя тайна в тот день не была открыта по лицу моему.

*) т. е. в церкви, где поют хвалу Девы Марии.

И сейчас же я решил сделать из этой донны ширму для истины и в короткое время устроил так, что в мою тайну поверили многие из тех людей, которые обо мне рассуждали. Эту донной прикрывался я многие месяцы и годы; и чтобы еще больше заставить поверить всех, я написал для нее несколько рифмованных пустячков, которые я не хочу приводить здесь, где подобает говорить только об одной благороднейшей Беатриче, поэтому я пропускаю их все и буду здесь записывать только то, что послужит в похвалу ей.

ГЛАВА VI.

В те времена, когда донна эта служила ширмою для великой любви моей, я захотел со своей стороны как-нибудь запечатлеть имя своей благороднейшей, окружив ее именами других дам и, между прочим упомянуть имя этой донны. И я выбрал имена шестидесяти самых прекрасных дам того города, куда угодно было поместить мою донну Всевышнему*) и написал эпистолу в форме сирвента**, я не привожу ее здесь и упоминаю об этом только вот зачем: когда я ее составлял, чудесным образом случилось, что имя моей донны пришлось как раз под цифройю девять, среди имен других дам, а не под каким-нибудь иным числом.

ГЛАВА VII.

Случилось, что донна, которая помогала мне столько времени скрывать мои чувства, уехала из вышеупомянутого города и отправилась в далекую

*) Флоренция.

***) Сирвентом или сирвентесом провансальцы называли пьесы, трагующие в стихах не о любви, а о предметах более серьезного характера, как мораль, политика, крестовые походы и т. д.

страну, и я, испуганный тем, что исчезла моя прекрасная защита, так сильно огорчился этим, как и сам не мог бы раньше поверить. И я подумал, что мне надлежит сказать что-нибудь горестное по поводу ее отъезда иначе, могут скоро догадаться о моем притворстве. Тогда я решил написать жалобу в форме сонета, который я приведу здесь, потому что моя донпа была прямой причиной некоторых слов, находящихся в сонете этом, как будет ясно всем, кто понимает. И тогда я написал этот сонет.

Сонет 2.

О вы, что Амура путями идете, взгляните
 И сами скажите,
 Что скорби сильнее моей вы не знали.
 Молю об одном, моим вздохам внемлите,
 Тогда вы решите,
 Что стал я обителью горькой печали.
 Амур бесконечной своей добротой,
 Хоть этого я и не стою,
 Всю жизнь мою сделал столь чудной и нежной,
 Что люди кругом вопрошали друг друга:
 За что, за какие заслуги
 Он радостью полон такой безмятежной,
 Теперь я утратил всю бодрость былую,
 Что только любимая мне посылала,
 Суровая бедность настала,
 О ней без страданий сказать не могу я,
 И людям теперь я таким подражаю,
 Что бедность стыдятся высказывать злую;
 И видом веселость являя живую,
 Томлюся я в сердце своем и рыдаю.*)
 Этот сонет имеет две главных части. В пер-

*) Этот сонет несколько отличается своей формой от остальных.

вой я призываю верных Амуру словами Иеремии пророка: «О, вы все блуждающие по дорогам, остановитесь и взгляните, есть ли где скорбь, подобная моей». И я прошу их выслушать меня. Во второй части я рассказываю о том, что сделал со мною Амур с другим значением, о котором нельзя догадаться по началу и концу сонета и говорю дальше о том, что я потерял. Вторая часть начинается словами: Амур бесконечной своей доброю.

ГЛАВА VIII.

После отъезда той благородной донны, Господу угодно было отозвать к славе своей молодую и очень красивую донну, которая была очень любима в том городе; и я видел, как тело ее, лишенное души, лежало, окруженное толпою донн и они горько над нею плакали. Тогда я вспомнил, что видал ее в обществе моей благороднейшей и не мог удержать слез; так, плача, я решился сказать несколько слов об ее смерти, ради того, что я несколько раз видел ее с моею донной. И на это я как раз намекаю в последней части сонета как будет совершенно ясно тому, кто понимает. И тогда написал я 2 сонета, из которых один начинается словами: Амур рыдает, а второй: злодейка смерть.

Сонет 3.

Амур рыдает, горе всем влюбленным.
 Но что ж ему печаль ту причинило?
 Он слышит, как чело склонив уныло,
 С тоской во взорах горько плачут донны,
 Злодейка смерть, рукою непреклонной
 Ты сердце благородное сгубила,
 И мир всего прекрасного лишила,
 Что, кроме чести, оценить мы склонны.

Внемлите, как Амур ей шлет хваленья,
Его я слышал горестные стоны
Над телом, распростертым без дыханья,
Он часто на небо смотрел в томленьи,
Куда пошла душа достойной донны,
Еще недавно полной ликованья.

Этот первый сонет делится на 2 части. В пер-
--- я прошу и призываю верного амура плакать, пото-
му что синьор их плачет, и говорю: но что же при-
чинило ему ту печаль, — для того, чтобы они пригото-
вились меня слушать. Во второй части я рассказываю
об этой причине, в третьей, говорю о тех почестях,
которые оказал Амур этой донне. Вторая начинается
словами: он слышит, третья: внемлите.

Сонет 4.

Злодейка смерть, чужда ты состраданья,
Праматерь древняя терзанья,
Судья неумолимый и жестокий
Меня наполнила ты горестью глубокой,
Иду я одиноко,
Твердя без устали хулы и порицанья:
И чтобы ты не знала оправданья,
Я сделаю признание:
Коварства, лжи и зла в тебе так много!
Сердца людей исполню я тревогой
Тех, что Амур ведет своей дорогой,
Сказав, какие ты готовишь им страданья.
Ты благородство унесла с собою
И мир всего того, что в донне ценно,
Лишен тобой, презренной:
Веселья вместе с прелестью живою.
Но больше говорить о ней не стоит,
Для всех ее заслуги несомненны.

Лишь праведник блаженный
 Ее достоин видеть пред собою. *)

Этот сонет разделяется на 4 части: в первой я называю смерть некоторыми подобающими ей именами; во второй, говоря с нею объясняю ей причину, по которой я начал проклинать, в третьей я ее посрамляю, в четвертой я обращаюсь к неопределенному лицу, хоть оно в моих мыслях вполне определено. Вторая часть начинается словами: меня наполнила ты... Третья словами: И чтобы ты не знала оправдания. Четвертая словами: Лишь праведник блаженный.

ГЛАВА IX.

Через несколько дней после смерти этой донны случилось так, что я должен был покинуть упомянутый город и отправиться в те края, где обитала благородная дама, служившая мне защитой. И уже немного пути оставалось мне сделать до того места, где она жила. И хотя я находился в обществе многих людей, но по виду моему было ясно, что путь тот мне неприятен и вздохи мои не могли рассеять печали, которая наполняла сердце мое по мере того, как я удалялся от своего блаженства. И тогда сладчайший властитель мой, который господствовал надо мною силою моей благороднейшей донны, предстал мне в воображеньи моем, как пилигрим, одетый в легкия одежды из грубой и убогой ткани. Он показался мне унылым, смотрел в землю и только несколько раз взглянул, как мне показалось, на прекрасную реку, быструю и светлую, которая течет вдоль той дороги, по которой я ехал. И почудилось мне, что Амур меня окликнул и сказал мне такие слова: я иду от той

*) Точный смысл таков: Данте видел умершую в обществе Беатриче, а так как все, кто видят и слышат Беатриче, становятся совершеннее и лучше — то и эта донна может рассчитывать на жизнь вечную с праведниками.

донны, которая долго служила тебе защитой и я знаю, что она больше не вернется; и сердце твое, которое ты отдавал на служенье ей по моему велению, оно со мною, я несу его той донне, что будет впредь служить тебе защитой, как была эта (и он назвал мне ее, так что я узнал ее хорошо). Но об этих словах моих, если ты что-нибудь захочешь рассказать, сделай это так, чтобы никто не догадался о твоей притворной любви, какую ты выражал той донне и какую надлежит тебе выказывать и новой *). И, сказав такие слова, исчезло это видение мое внезапно, — оно потрясло меня так, **) что я, изменившись в лице своем, ехал в этот день задумчивый и сопровождаемый частыми вздохами. И вечером я написал такой сонет.

Сонет 5

Вчера я ехал скучною дорогой, ***)
 Томяся и тоскуя всей душою.
 Как вдруг в одежде легкой предо мною
 Предстал Амур, как пилигрим убогий.
 Унылый и исполненный тревоги,
 Расставшись будто с властною былою,
 Стыдясь людей, с поникшей головою,
 Вздыхая, шел Амур своей дорогой!
 Меня по имени он называя,
 Сказал: из дальнего иду я края,
 Твое там сердце долго пребывало.
 Чтоб радость новую оно узнало,

*) У провансальцев тоже находим выражение: *fengar l'amor*, т. е. притворяться любящими; зачастую для того, чтоб скрыть свою подлинную любовь, они воспевали, для отвода глаз, другую донну. Это совпадает вполне с Дантевской ширмой.

**) Темное место. Буквально: «он оставил мне значительную часть самого себя», т. е. любви или любовного волнения, это неясно

***) Быть может Данте ехал вдоль реки Арно вмесе с флорентийскими войсками для сражения с гибеллинами в Ареццо.

Его тебе опять я возвращаю.

Тут он исчез, а как, я сам не знаю.

Этот сонет делится на три части: в первой части я говорю, как мне явился амур и зачем он мне показался, во второй говорю, это он мне поведал, но не совсем ясно, из страха, чтобы я не выдал своей тайны; в третьей части говорю, как он исчез. Вторая начинается словами: меня по имени, третья: тут он исчез.

ГЛАВА X.

По возвращении моем я стал искать ту донну, которую мне назвал мой господин на дороге вздохов, и чтоб не распространяться долго об этом, скажу, что в короткое время я сделал ее своею защитой и многие люди болтали об том больше, чем этого требовала благопристойность, отчего мне часто становилось очень тяжело. И по этой причине (так как эта тайная молва порочила меня) эта благороднейшая, которая была разрушительницей всех пороков и царицей добродетели, проходя где-то мимо меня отказала мне в своем сладчайшем поклоне, а в нем заключалось все мое блаженство. И я, изменяя своему первоначальному намеренью, захотел дать понять, какое благодетельное значение имело для меня ее приветствие.

ГЛАВА XI.

Я утверждаю, что когда она, бывало, появлялась откуда-нибудь, надежда на ее чудесный привет уничтожала в моей душе все враждебное, мною овладевало пламя милосердия, которое заставляло меня прощать всякому, кто меня мог обидеть, и если бы тогда меня о чем-нибудь спросили, ответ мой был бы только один: Амур, и лицо мое было бы одето смирением. И когда она была близка к тому, чтобы поклониться мне,

дух любовный, уничтожая всех других духов чувств, толкал вперед слабых духов зренья и говорил им: идите и почтите Вашу донну, а сам он занимал их место. И тот, кто пожелал бы узнать, что такое любовь, мог бы понять это, глядя в трепетные глаза мои. И когда эта благороднейшая донна кланялась, любовь не могла затемнить мне моего несказанного блаженства, но от полноты нежности, она становилась такой сильной, что мое тело, которое в то время было целиком в ее власти, делалось таким тяжелым, как неодушевленный предмет. Таким образом ясно выходит, что в ее приветии заключалось все мое блаженство и оно много раз превышало и затопляло всю мою силу.

ГЛАВА XII.

Итак, возвращаясь к сказанному, я говорю: когда мое блаженство было от меня отнято, меня охватила такая печаль, что удалившись от людей в уединенное место, я оросил землю горчайшими слезами; и эти слезы меня немножко облегчили и я ушел в свою комнату, где я мог плакать, не будучи услышанным. И там взывал к милости достойной донны, говоря: Амур, помоги твоему верному. Я заснул наконец, как побитый ребенок, в слезах. И случилось так, что во сне я увидел в моей комнате вдали от меня юношу, одетого в белоснежные одежды, и казалось он глубоко задумался. Он обратил взор туда, где я лежал, и, поглядев на меня некоторое время, вздохнул и, как мне показалось, позвал меня и сказал мне такие слова: Сын мой, время пришло окончить притворство наше. Тогда мне показалось, что я узнал его, так как он называл меня так уже много раз в моих сновиденьях. И я видел, что он как будто плакал горестно и казалось ждал от меня какого-

нибудь слова; и я, решившись начал говорить с ним так: благородной синьор, о чем ты плачешь? А он мне ответил такими словами: я как бы центр круга, от которого равно отстоят части окружности, ты же нет *).

И тогда, задумавшись над его словами, я решил, что он говорил со мною очень темно, и я, сделав усилие над собою сказал ему так: почему, синьор мой, говоришь ты со мною так темно? А он сказал мне по-итальянски: не спрашивай больше того, что тебе полезно.

И тогда я начал рассуждать о поклоне, в котором мне было отказано и спросил его о причине, а он ответил мне на это так: наша Беатриче услышала от некоторых людей, когда речь зашла о тебе, что ты докучаешь донне, которую я тебе назвал на дороге вздохов. И поэтому эта благороднейшая противница всякой докуки не соблаговолила поклониться тебе, боясь быть навязчивой. И так как отсюда явствует, что ей стала известна твоя тайна, которая длилась так долго, я хочу, чтобы ты рассказал в нескольких рифмованных словах о том, с какою силой я владею тобой через нее и как ты с самой ранней юности принадлежал лишь ей. И в этом ты призовешь в свидетели того, кто об этом знает и попросишь его сообщить ей об этом; а так как я и есть этот свидетель, охотно подтверждаю это. И таким образом она узнает о твоих желаньях и, услышав о чувстве твоём, поймет, что ее обманули. Эти слова ты должен заключить в самую середину стиха, чтобы сразу не начинать с этого, ибо это недостойно. И не посылай

*) Темное место, толкуемое различно. Скорее всего это значит, что Амур — представитель идеальной божественной любви, не знающей измененья, а о неверности смертного Данте — Амур проливал слезы.

их никуда без меня, чтобы слова эти были ей понятны, и тебе следует облечь их в слабую гармонию и я там буду всегда, когда будет необходимо.

И, сказав такие слова, он исчез, и сон мой прервался и я сообразил, что это виденье явилось мне в 9 часов данного дня, и я ушел из своей комнаты, решив написать балладу, в которой я последовал совету моего синьора. Вот какова эта баллада.

Баллада.

Хочу, баллада, чтобы ты явилась
 С Амуром вместе к донне на свиданье,
 И то, что ты споешь мне в оправданье,
 Властителем моим ей подтвердилось.
 Так благородна ты, моя баллада,
 Что и без всякой свиты
 Повсюду можешь ты летать спокойно;
 Но если для тебя еще защиты надо, —
 Амура позови ты, —
 Быть без него балладе непристойно,
 Одна ты там не можешь быть покойной, —
 Мадонна на меня разгневана ужасно
 И без Амура к ней идти опасно.
 Тебя там могут встретить оскорбленья.
 К ней прилетев, начни ты нежным тоном
 Так речь свою пред нею,
 Склонив ее сначала к состраданию:
 Мадонна, тот, кем послан я с поклоном,
 Коль милостью своею
 Его простите, молит о вниманьи,
 Амур всегда меняет по желанью
 Весь вид его пред Вашей красотой,
 А, потому он занялся другою,
 Хоть сердцем он не знает измененья.

Скажи: Мадонна, верен он остался
 Вам всей своей душою.
 И все мечты Вам отдал на служенье.
 Он рано Вашим стал и не менялся.
 И коль ее не тронешь речью тою,
 Пусть у Амура спросит подтверждения.
 Смиренно обрати ты к ней моление,
 Коль был ей в тягость, чтоб его простила.
 Пускай она прикажет лечь в могилу,
 И я ее исполню повеленье.
 Того, кто полон жалости прекрасной
 Проси, моя баллада,
 Мадонне за меня замолвить слово.
 Тебе, во имя песни сладкогласной,
 Остаться с нею надо
 И обо мне поговорить с ней снова
 И если, робкого, простить она готова,
 Пусть даст ему о мире весть благую,
 Баллада нежная, тебя послать хочу я,
 Туда, где ты заслужишь уваженье.

Эта баллада разделяется на три части; в первой я говорю ей, куда она идет и ободряю ее, чтобы придать ей уверенности; и сообщаю, кого она должна взять с собою для того, чтобы лететь спокойно без всякой опасности; во второй части я рассказываю о том, что ей надлежит сделать. В третьей — предоставляю ей лететь, когда она хочет, поручая ее нежный полет власти судьбы. Вторая часть начинается словами: к ней прилетев... Третья — баллада нежная.

Быть может кто-нибудь не согласится со мною и скажет, что ему непонятно, к кому относятся мои слова во втором лице, потому что баллада не то лицо, к кому я обращаюсь. На это я отвечу, что сомнение это я намерен разрешить и разъяснить в этой киижке, в одном месте, еще более темном, и тогда поймет

тот, кто сомневался и кто хотел протестовать каким-нибудь образом.

ГЛАВА XIII.

После описанного мною виденья, сказав все те слова, которые внушил мне Амур, я стал терзаться различными мыслями; я боролся с ними и против каждой из них был беззащитен, а среди этих мыслей — четыре, казалось, отнимали у меня покой. Одна из них была такая: прекрасна власть Амура, ибо она отвращает помыслы верных ему от всяких изменных предметов. Другая же мысль была такова: недобрая власть у Амура, ибо чем вернее ему слуга его, тем больше мучительных ударов выпадает ему на долю. И следующая мысль была такая: имя Амура так сладко для слуха, и мне кажется невозможным, чтобы деянья его касались иных вещей, кроме как нежных, так как имена соответствуют названным вещам как написано: имена суть следствия вещей *). Четвертая мысль была такая: донна, ради которой тебя так терзает Амур, и не похожа на других донн так, чтобы легко менялось ее сердце. И каждая из этих мыслей меня мучила несказанно и я стал подобен тому, кто не знает, по какой дороге ему нужно идти, и хочет идти, а сам не знает, куда ему идти надлежит. И мне захотелось найти какой-нибудь общий путь для них, на котором бы они все сошлись, но этот путь оказался враждебным для меня, т. к. мне оставалось только взывать о милости и отдать себя в ее руки. И, пребывая в этом состоянии, я был охвачен желаньем написать об этом несколько рифмованных строк и тогда получился вот какой сонет:

*) Это изречение неизвестно откуда взято.

Сонет 6

Мои все мысли, о любви толкуя,
 Ведут борьбу всечасно меж Собою,
 Одна любовь возносит предо мною, —
 Бранит другая силу роковую.
 То плачу я, томяся и тоскуя,
 То полон весь надеждою одною,
 И все они согласны меж собою,
 Что лишь о милости молить могу я.
 Которой же из них поверить надо?
 Хочу сказать, а что сказать не знаю.
 И нахожусь в любовном помраченьи.
 Чтобы найти душе успокоенье
 Я должен, к своему врагу взывая, —
 Мадонне Милости, — просить пощады. *)

Этот сонет может быть разделен на четыре части: в первой я говорю и предполагаю, что все мои мысли заняты Амуром. Во второй части сообщаю, что они различны и рассказываю об этом их различии. В третьей говорю, в чем они все между собою сходятся; в четвертой заявляю, что, желая сказать о любви, не знаю, которую из них взять, а если их соединить все вместе, мне придется обратиться к моему врагу — Мадонне Милости. Говорю «мадонна» для того, чтобы выразиться о ней презрительно. **) Вторая часть начинается так: ведут борьбу всечасно; третья: и все они согласны, четвертая: которой же.

*) Несовсем понятно, почему Данте называет милость — *pieta* своего *nemica*, т. е. врагом, потому ли, что не надеется на то состраданье или в глубине души хочет быть любимым, а не предметом жалости? Во всяком случае объяснение Д. Г. Россети совершенно нелепо. Он предполагал слово *Pieta* понимать — как партия папы или — гвельфов, тогда как сам поэт — гибеллин.

**) Так как слово Мадонна предполагает уважение, любовь, здесь же ирония, насмешка в словах поэта.

ГЛАВА XIV.

После этой битвы между всеми моими мыслями случилось так, что эта благороднейшая пришла туда, где собрались многие другие донны; и я был приведен моим другом, который, думая мне сделать этим большое удовольствие, повел меня туда, где столько донн показывало свою красоту. А я, не зная куда меня ведут, доверился этому человеку, которого один из друзей его привел к гибели, *) и сказал: зачем мы пришли к этим доннам? Тогда он ответил мне: чтобы служить им достойным образом. На самом деле они собрались здесь ради одной благородной донны, которая в этот день была повенчана. И по обычаю вышеупомянутого города подобало, чтобы все ее друзья разделили первую трапезу, которую она вкушала в доме мужа. Так что я, думая исполнить желанье моего друга, предложил отдать себя на служенье доннам, ее окружавшим.

И тут внезапно я почувствовал, как какой-то дивный трепет начинается в моей груди в левой ее стороне и потом распространяется по всем частям моего тела. Тогда я как будто бы прислонился к фреске, которая шла кругом всего дома, и, боясь, чтобы окружающие не заметили моего трепета, поднял глаза и среди других донн увидел благороднейшую Беатриче, тогда все духи мои пришли в такое смятение от силы, которую забрал надо мной Амур, видя себя в такой близости от благородной донны, что остались живыми у меня только духи зренья; да и те вышли из своих орбит, т. к. Амур захотел за-

*) Темное место, привожу комментарий издателя: автор, зная, что как-то раньше этот друг его сам был поставлен кем-то из своих друзей в такое положение, что он чуть не умер от страстного волнения, — не мог ожидать, что он его подергнет такой же опасности.

нять их почетное место, чтобы смотреть на чудесную донну; и тогда я весь изменился и опечалился от этих малых духов своих, которые жаловались громко и говорили: если бы тот не изгнал нас с наших мест, мы бы могли остаться там и смотреть на чудную донну, как и другие наши собратья.

И многие донны, заметив мое превращение, стали дивиться и, рассуждая об этом, смеялись надо мною с этой благороднейшей. И тогда обманутый*) друг мой доверчиво взял меня за руку, увел подальше от этих донн и спросил, что со мною? И я пришел немного в себя, — мертвые духи мои воскресли, а изгнанные вернулись на свои места, — и сказал моему другу такие слова: я направил в жизни свои шаги по такому пути, по которому нельзя идти, если имеешь намерение вернуться.

И простившись с ним, я вернулся в комнату слез, где плача и стыдясь, говорил сам с собою: если бы эта донна знала о моем состоянии, я не верю что она стала бы смеяться надо мной; думаю даже, что в ней пробудилась бы ко мне большая жалость. И в слезах я решил сказать слова, в которых я, обращаясь к ней, объяснил бы ей причину моего изменения и сказал бы что эта причина, как я хорошо знаю, никому неизвестна, а если бы она была известна, то люди пожалели бы меня. И я решил сказать так, чтобы слова эти дошли как-нибудь случайно до ее слуха. И тогда я написал сонет.

Сонет 7

С другими Вы смеялись надо мною,
Но ведь, о том не знали Вы, мадонна,

*) Друг Данте, приводя его на этот праздник, никак не ожидал, что вид Беатриче произведет на него такое действие и и еще менее того, что над поэтом другие донны будут смеяться. Отсюда — обманутый друг.

Что сразу весь меняюсь я, смятенный,
 Когда стою пред Вашей красотой.
 Иначе Вы смягчились бы душой
 И на меня смотрели благосклонно.
 Когда близь Вас я нахожусь, смущенный
 Амур исполнен дерзостью такую:
 Он духов трепетных моих пугая,
 Чтоб Вами любоваться не мешали
 Убьет иных, а этих шлет в изгнанье.
 Лицо мое свой прежний вид меняет,
 Но все ж, хоть и исполненный печали,
 Я слышу духов изгнанных рыданья.

Этот сонет не делится на части, так как разделение делается только для того, чтобы открыть смысл разделяемой вещи: а так как в том сонете его значение и смысл вполне ясны, он не требует разделения. Правда, что среди слов, выражающих смысл этого сонета, попадаются сомнительные выражения, например, когда я говорю, что Амур убивает всех моих духов и только духи зренья остаются живыми, хотя и вне своих орбит. И эту неясность невозможно разъяснить тому, кто не был в такой степени верным Амуру, а для тех, кто верен, и без того ясно то, что скрывается в этих темных словах; поэтому не стоит разъяснять это сомнение; ибо мои слова были бы напрасными, или же излишними.

ГЛАВА XV.

После нового превращения моего мною овладела одна мысль, которая не хотела меня оставить и все снова возвращалась ко мне, а рассуждение мое было таково: если ты имеешь такой жалкий вид в присутствии твоей донны то, зачем ищешь ты встречи с нею? А если бы она обратилась к тебе с каким-нибудь вопросом, что бы ты ответил ей, предполагая, что ты

свободно распоряжаешься всеми своими способностями, чтобы ей ответить. И на это другая смиренная мысль отвечала так: если бы я не утратил всех своих способностей, я был бы в состоянии ей свободно ответить, я бы сказал ей, что как только я представляю себе ее дивную красоту, сейчас же мною овладевает желание ее видеть. И это желание так сильно, что убивает и разрушает в моей памяти все, что может быть против него, и поэтому прошлые страсти мои не мешают мне искать встречи с нею. И я, движимый такими мыслями, решил сказать слова, в которых, извиняясь перед нею в такой дерзости, все же излагаю ей все, что происходит со мною в ее присутствии, и тогда я написал такой сонет:

С о н е т 8.

Все, что в уме держал я, умирает,
 Чуть Вас увижу я такой прекрасной.
 Когда близ Вас я, слышен голос ясный
 Амура мне: беги, кто жить желает.
 Лицо окраску сердца принимает,
 Дрожа опоры *) я ищу, безгласный,
 И мнится мне, кругом в тоске ужасной
 Умри, умри! — все камни **) восклицают.
 Грешно тому, кто на меня взирая,
 Душе несчастной не дает опоры,
 Грустя со мной и обо мне страдая;
 Мой жалкий вид и меркнущие взоры,
 Что убивает Ваша шутка злая,
 О смерти молят, плача и стеная.
 Этот сонет делится на 2 части. В первой я

*) Намеки на то, что он прислонился к каменной стене, по которой шла фреска кругом дома.

**) Это камни в стене, к которым он прислонялся, кричат так; очевидно это воспоминание о библейском «камни возопиют».

говору о причине, по которой я избегаю близости моей донны, во второй говорю о том, что со мной происходит, когда я иду к ней. И эта часть начинается словами: когда близ Вас я. И эта вторая часть еще делится на 5, по числу пяти различных сообщений. В первой я рассказываю, что мне говорит Амур, когда я нахожусь близко от нее. Во второй я объясняю состояние моего сердца по внешнему моему виду; в третьей говорю, что меня покидает всякая уверенность. В четвертой я объявляю грешным того, кто не покажет жалости ко мне, что было бы для меня большим утешением. В последней части я сообщаю, почему другие должны меня жалеть ради моего жалобного вида и печальных глаз. А этим видом моим, несчастным и убитым, я обязан шуткам моей донны, которая подвергла бы такой насмешке и тех, кто увидел бы мои страдания. Вторая часть начинается словами: Лицо окраску сердца; третья: и мнится мне; четвертая: грешно тому; и пятая: что убивает.

ГЛАВА XVI.

Написав этот сонет, я задумал сказать еще четыре вещи о моем состоянии, которые, как мне казалось, не были еще достаточно ясно выражены мною *). Первая из них состоит в том, что Амур часто и внезапно овладевал мною с такой силой, что во мне оставалась только одна мысль о ней; третья моя мысль была такая: когда в борьбе с Амуром я изнемогал, я шел весь бледный, чтобы увидеть мою донну, надеясь, что вид ее меня защитит в этой борьбе, забывая о том, что происходило со мною

) Это все те же мысли, которые изложены в сонете 8, непонятно почему поэту кажется, что он недостаточно ясно их выразил.

при приближении моем к такому совершенству; четвертая мысль была вот такая: это лицезрение меня не только не защищало, но, наоборот, совершенно уничтожало во мне остаток жизни. И вот тогда я написал сонет.

С о н е т 9.

Нередко так с собой я рассуждаю:
 Амур наполнил жизнь мою тоскою
 Печаль томит меня и я не знаю,
 Кто из людей, как я скорбел душою.
 Всю силу жизни сразу я теряю,
 Когда Амур овладевает мною,
 Один лишь дух живым я сохраняю,
 Затем, что Вами полон он одною.
 Я помощи хочу и утешенья
 И жалкий весь, достоинства лишенный
 К Вам прихожу, моля об исцеленьи;
 Когда же взор на Вас я поднимаю,
 Весь содрагаюсь *) бледный и смущенный
 И смерти лишь покорно ожидаю.

Этот сонет делится на четыре части, то в нем говорится о четырех вещах, и так как я о них уже рассуждал выше, то ограничусь указанием на то, где они начинаются.

Итак, вторая часть начинается словами: когда Амур; третья: я помощи хочу; четвертая: когда же взор.

ГЛАВА XVII.

Написав эти три сонета, в которых я говорил с моею донной и желал, чтобы они поведали ей о моем состоянии, я решил замолчать, так как мне казалось, что я достаточно ясно сказал о себе. Но когда

*) Здесь поэт употребляет более сильное выражение: terremoto — т. е. землетрясение в сердце.

я перестал говорить с нею, то мне казалось подобающим заняться иными вещами и более благородными, чем прежде. И так как причина этой перемены к новому очень интересна, то я скажу о ней насколько смогу, кратко.

ГЛАВА XVIII.

Итак, многие люди по виду моему поняли мою тайну; и случилось однажды, что некоторые донны, собравшись вместе, развлекались обществом друг друга; казалось сердце мое было им открыто, ибо каждая из них присутствовала при какой-нибудь моей неудаче. Когда я проходил мимо их, как будто влекомый судьбою, меня окликнула одна из этих благородных донн и та, которая позвала меня, была очень бойка на язык. А я, присоединившись к их обществу и убедившись, что моей благороднейшей не было среди них, ободрился и, приветствуя их, спросил, что им от меня угодно.

Донн было много, из них некоторые смеялись, другие же смотрели на меня, ожидая, что я скажу. Были также и такие, что разговаривали меж собою; из них одна, обратив свой взор на меня, назвала меня по имени и молвила так: с какою цельюлюбишь ты эту донну, если ты не можешь выносить ее присутствия? Ответь нам на это, так как цель такой любви должна быть какая-нибудь совсем особенная. И когда она произнесла эти слова, не только она сама, но и все другие стали ожидать моего ответа. Тогда я им сказал так: Мадонны, целью моей любви был поклон моей донны, о которой вы думаете; в нем заключалось мое блаженство и конец всех моих желаний. Но когда ей угодно было отказать мне в нем, мой господин Амур, милостью своею, заключил все

мое блаженство в другое, что уже не может быть от меня отнято.

Тогда донны начали разговаривать между собою, и как иногда мы видим, как падает дождь вместе с чистым снегом, так, казалось мне, исходили из уст их слова, смешанные со вздохами. Когда они поговорили меж собою немного, ко мне обратилась снова та донна, что сначала заговорила со мною, сказав: мы просим тебя открыть нам, в чем заключается это твое блаженство.

И я, отвечая им, молвил: в тех словах, какие прославляют мою донну *). И она сказала: Если ты говоришь правду, то те слова, которые ты уже сказал, объясняя свое состоянье, сказаны тобою с другими целями **). И, задумавшись над этими словами, я со стыдом простился с ними. И дорогой говорил самому себе: если столько блаженства заключается для меня в том, чтобы восхвалять мою донну, почему же я говорил другие речи? И тогда я решил впредь говорить только то, что может служить похвалою моей благороднейшей; я много думал над этим и мне казалось, что я предпринял слишком высокую задачу для себя и не смел начать. Итак я оставался несколько дней, желая сказать, а начать не смея.

ГЛАВА XIX.

Как-то раз я шел по дороге, вдоль которой текла прозрачная речка, и вдруг мне так захотелось говорить, что я начал думать, каким способом сделать это. И я решил, что заговорить с нею подо-

*) Чисто провансальское понимание куртуазной любви к даме.

***) Это значит, если ты хотел только прославлять свою донну, то не должен был жаловаться и выражать какое-нибудь неудовольствие по поводу своих мучений, как это было выражено в предыдущих сонетах.

бает так, чтобы я сначала обратился к доннам во втором лице, и не ко всякой донне, а только к благородным *). И тогда мой язык заговорил как будто движимый сам собою **): О, донны, вы, что смысл любви узнали. С большою радостью я произнес эти слова в уме своем, думая взять их за начало. И затем, вернувшись в вышеназванный город и поразмыслив несколько дней, начал я канцону с таким заголовком, составленную таким способом, какой будет понятен ниже при ее разделении.

К а н ц о н а I ***).

I. О, вы, постигшие любви значенье,
 Мадонны, говорить о донне милой,
 Хваля ее покуда хватить силы,
 И душу облегчить хочу я с Вами.
 Когда о донне мыслю я, в волненьи,
 Амур так сладостно владеет мною;
 Не будь я полон робостью такою,
 Я б мог любовь зажечь в сердцах словами.
 Не оскорблю вас гордыми речами,
 И не сробею низко я душою,
 Но с подобающею простотою
 О ней, достойнейшей, мадонны, с вами,
 Любовь познавшими, а не с другими
 Я поделюсь мыслями моими.

II. К Божественному Разуму взывает
 На небе Ангел: «чудеса свершая,
 Живет на свете, о Господь, святая

*) Т. е. к таким доннам, которым понятен смысл любви, а любовь поселяется только в благородном сердце, как гласить сонет 10.

**) Сам собою — что значит вдохновляемый Амуром.

***) Эта канцона была первым печатным произведением Данте и сразу поставила его в ряды 8 наиболее знаменитых поэтов того времени. Музыку на нее написал Казелла, друг Данте.

Одна душа, сияя чистотою.
 И небо, где ее лишь не хватает,
 Зовет ее; моление воссылая
 Создателю и к милости взывая,
 Исполнено надеждою святою».

И речью Бог отвечивал такую:
 О милые, вы ждать должны в молчаньи
 Надежду *) вашу; в том мое желанье,
 Чтоб тот **) мадонну видел пред собою,
 И в ад сойдя, чтоб грешникам ответил:
 Я на земле святых надежду встретил.

III. Для неба предназначена мадонна.
 Я воссылаю ей свои хваленья
 И говорю: оставив все сомненья,
 Иди за ней; там, где она ступает,
 На души низких шлет Амур студень
 Мороз и погибает дума злая.
 Кто на мадонну взоры поднимает,
 Иль станет лучше или умирает,
 Но кто ее достоин лицемерья,
 Тот власть мадонны чувствует душою,
 И наслаждаясь радостью святою,
 Прощает все, исполненный смиренья.
 Мадонна даром Божьим обладает,
 Кто с ней поговорил, беды не знает.

IV. Сказал Амур: такую чистотою
 И прелестью из смертных кто сияет?
 Он смотрит на нее и так решает:
 То чудо Бог послал нам в утешенье.
 Как жемчугом, нежнейшей белизною
 Ей бледность ***) легкая лицо покрыла.
 Природа совершенство в ней явила,

*) Т. е. Беатриче. **) Данте.

***) Поэт неоднократно говорит о бледности, это цвет любви, цвет состраданья, цвет печали.

Чтоб дать красы живое воплощенье.
 И духи пламенной любви исходят
 Из глаз ее, мгновенно поражая
 Того, кто взор на донну поднимая,
 Их в сердце трепетном потом находит.
 Запечатлен Амур в улыбке милой
 Ей пристально глянуть в лицо нет силы *).
 Моя канцона, путь твой направляю
 Я к доннам тем, лети туда послушно.
 Амура дочь, ты так легка, воздушна
 И сам тебя я воспитал такую.
 Ты им скажи: мадонны, умоляю,
 Мне укажите путь, я с порученьем
 К той послана, кому несусь хваленья.
 И если вдруг сробеешь ты душою,
 Не оставайся с низкою толпою,
 Найди достойных мужа или донну,
 Дорогу показать проси с поклоном,
 И к донне поспеши дорогой тою.
 И, увидав Амура, будь готова
 Амуру за меня замолвить слово.

Эту канцону для того, чтобы ее лучше поняли, я разделю более искусно, чем все предыдущие и сделаю из нее три части: первая часть составляет вступление к последующим словам, вторая заключает в себе то, что я имел намерение рассказать, третья является как бы подчиненной — предыдущим словам. Вторая начинается так: к Божественному Разуму, третья: моя канцона. Первая часть делится на четыре: в первой я объясняю, с кем я хочу говорить о моей донне и почему; во второй — рассказываю каким кажется мне ее благородство, когда я о нем думаю и как бы я говорил об этом, если бы не терял смелости; в третьей говорю как

*) Как на солнце, ибо она совершенна и прекрасна, как солнце.

бы я сказал, если бы не был охвачен радостью, в четвертой я повторяю, к кому я обращаюсь и почему рассуждаю именно с ними. Вторая часть начинается словами: когда Мадонне шлю; третья: не оскорблю; четвертая: любовь познавшими. Потом со словами: к Божественному Разуму, я начинаю повествовать о моей донне и эту часть я разделяю на 2. В первой я говорю, что именно о ней говорят на небе; во второй — что о ней думают на земле, такими словами: для неба предназначена. Эта вторая часть разделяется еще на 2. В первой я говорю о благородных качествах ее души, перечисляя некоторые ее действия и способности, проистекающие из ее души, во второй — говорю о благородных свойствах ее тела, перечисляя некоторые ее прелести, так: сказал о ней Амур. Эта вторая часть подразделяется на 2. В первой говорю о некоторых прелестях ее, которые нахожу во всем ее существе, во второй части говорю о тех прелестях, которые нахожу в отдельных частях ее существа, так: ее глаза.

Эта вторая часть делится на две: в одной говорю о глазах, как об источниках любви, второй, — об устах, как о цели Амура. И чтоб здесь не могло возникнуть никакой порочной мысли, *) я напоминаю читателю то, что написано выше, а именно: привет той донны, который состоял в движении ее уст — был целью всех моих желаний, пока я получал его.

Потом, когда я говорю: канцона моя, я прибавляю одну строфу, как бы подчиненную другим двум и в ней я сообщаю, чего хочу от этой канцоны. Но так как эту последнюю часть очень легко понять, то я не буду трудиться разделять ее. Я знаю, что для того, чтобы со-

*) Это значит: Данте ни одной минуты не хочет, чтоб подумали будто он мечтает о поцелуе. Действия — *orationi* — ее уст — только два: смех и речь, которые делают чудеса, заставляя людей перерождаться.

всем раскрыть смысл этой канцоны, следовало бы употребить еще более мелкое деление; но если кто не имеет столько ума, чтобы уразуметь все и по тем разделеньям, которые я уже сделал, мне будет приятно, если он совсем ее оставит в покое, так как я боюсь, что уже слишком многим я поведал смысл ее теми пояснениями, какая я сделал, если предположить, что многие смогут ее прочесть.

ГЛАВА XX.

После того, как эта канцона распространилась среди людей, так что каждый из друзей моих мог ее услышать, им захотелось попросить меня объяснить, что такое любовь. Вероятно после тех слов, которые они услышали, они возымели незаслуженную надежду на это. И я подумал, что после тех моих слов было бы хорошо поговорить вообще о любви и еще я подумал, что друзьям надо служить и решил сказать стихи, в которых я буду трактовать о любви, и вот я написал сонет.

С о н е т 10.

Любовь и благородство совпадают,
 Так говорит Мудрец *) в своем твореньи.
 И друг без друга так же не бывают,
 Как нет разумных дум без разуменья.
 Когда Амур нам в сердце проникает,
 Он там царит, оно его владенье.
 Он сладко дремлет там и отдыхает
 То долгий срок, то краткое мгновенье.

*) Il saggio мудрец — Гвидо Гвиничелли. Savi — называет Данте всех знаменитых поэтов древности и своего времени. Речь идет о знаменитой канцоне Гвидо, в которой он высказывает свое credo, легшее в основу *Dolce stil nuovo*: *Al cor gentil gira sempre Amore*, — Благородному сердцу присуща любовь, как веселые птички зеленому лесу.

Лишь только красота достойной донны
 Пленила взор, как сердце вдруг забьется
 Желаньем сильным малого предмета,
 И до того желанье длится это,
 Покуда дух любовный не проснется.
 Бывает так и с донною влюбленной.

Этот сонет делится на 2 части. В первой я говорю об Амуре, в чем его сила, во второй — как та сила проявляется в действии. Вторая часть начинается так: лишь только красота. Первая же делится на 2. В первой — объясняю, в чем заключается сила любви, во второй говорю, как предмет любви и сила ее проявляют себя в действии и как одно хранит другое, как форма материю. Вторая начинается так: когда Амур; потом, когда я говорю: лишь только красота, рассказываю, как эта сила проявляется в действии, сначала в мужчине, потом в донне, так: бывает так же.

ГЛАВА XXI.

После того, как я в вышеназванных стихах говорил о любви, пришло мне желанье сказать в похвалу моей благороднейшей слова, в которых я показал бы, как пробуждается его эта любовь и как просыпается она не только там, где спит, но и там, где ее нет в возможности и она, чудесным образом действуя, заставляя любовь явиться. И я написал сонет.

С о н е т 11.

В своих очах Амура носит донна,
 На что ни взглянет, станет все добрее,
 Когда проходит, все спешат за нею,
 Трепещет всякий от ее поклона,
 И голову склонив, идет смущенно
 И о грехах своих скорбит сильнее,
 Гордыня, гнев бегут пред ней, робея,

Воспеть ее мне помогите, донны.

На сердце нежность, в мыслях умиление

Рождается у тех, кто ей внимает.

Блажен, кто в первый раз ее встречает,

Улыбки краше не видали люди.

Ни выразить восторга нет уменя,

Ни рассказать об этом новом чуде.

Этот сонет имеет три части. В первой я рассказываю, как эта донна приводит в действие любовную силу при посредстве благороднейших очей своих. А в третьей рассказываю, как она это делает при посредстве своих благороднейших уст. А между этими двумя частями заключается маленькая частица, которая как будто просит помощи у первой и у третьей части словами: воспеть ее. Третья начинается так: на сердце. Первая делится на три: в первой я рассказываю, как все на что она посмотрит, делается от ее благородства лучше, а это значит, что Амур входит туда, где его не было. Во второй говорю о том, как благородно она распоряжается в их сердцах. Вторая начинается: когда проходит; третья: трепещет всякий. Когда затем я говорю: помогите мне донны, я даю понять, с кем я намерен говорить, взывая к доннам, чтобы они помогли мне почтить мою донну, потом, когда говорю: на сердце нежность, я повторяю то, что было уже сказано в первой части о первых двух деяньях ее уст; первое из них — ее сладчайшая речь, а другое — ее удивительный смех. Я не говорю об этом последнем, как он действует на сердца людей, потому что память не в состоянии удержать ни этот смех, ни его действия.

ГЛАВА XXII.

После этого прошло немного дней (как угодно было Господу Славы, который Сам пошел на смерть), тот кто был родителем всего чудесного, что заключалось в

благороднейшей Беатриче, уйдя из этой жизни, отошел к Славе Вечной. Такое исчезновение очень горестно для тех, кто останется здесь, когда те друзья покойного, а какая же дружба может быть теснее, чем любовь доброго отца к доброму сыну или хорошего сына к хорошему отцу. А эта донна была добра в высшей степени, а ее отец (как верят многие и это поистине так) был также добр в высокой степени *); ясно отсюда, что донна эта была исполнена горячей скорби!

И как было в обычае того города, чтобы при печальном событии таком — собирались донны с доннами и мужчины с мужчинами, многие донны сошлись там, где горько плакала Беатриче. И я видел, как многие из них, возвращаясь от нее, говорили об этой благороднейшей и рассказывали, как она горевала. И между прочим они сказали такие слова: поистине, она плачет так, что тот, кто увидел бы ее, должен бы был умереть от сострадания. Донны прошли и я остался в такой тоске, что слезы омывали мое лицо и я много раз поднимал руки, чтобы закрыть ими глаза. И если бы я не желал еще что-нибудь услышать о ней (так как я находился в том месте, где проходила большая часть донн, что были с нею), я бы спрятался сразу, как только слезы овладели мною. И пока я оставался там, проходили мимо меня еще донны и рассуждали так: кто из нас когда-нибудь будет снова веселым после того, как мы слышали жалобы этой донны. И шли за этими другие, говоря: тот, что здесь стоит, плачет так, как будто бы он ее видел такую, как мы ее видали. И другие вслед за ними говорили обо мне: Видите этого человека. Он перестал ходить на самого себя, так он изменился.

И так проходили донны и я слушал их разговоры обо мне, как я здесь рассказал об этом. И размышляя

*) Фолько Портинари, отец Беатриче умер в последний день года 1289 и по преданию славился благотворительностью.

о том, я решился сказать слова, для которых имел полное основание, и этими словами выразить все, что я слышал об этой донне. И так как я охотно бы спросил их, если бы это не послужило мне в порицанье, я решился сделать так, как будто я их спрашивал, а они мне отвечали. И написал я два сонета. В первом я вопрошаю их так, как мне хотелось это сделать, а во втором я пересказываю их ответ, заимствуя все, что я слышал от них, как будто бы они мне отвечали. Первый начинается так: Откуда так уныло, а второй: ты тот ли.

С о н е т 12.

Откуда так уныло и в молчаньи,
 Потупив взор, печальный и убитый,
 Идете вы и бледностью покрыто
 Лицо у вас, как цветом состраданья.
 Вы нашей донны видели терзанья,
 Она любви слезами вся омыта,
 Пусть ваши мысли будут мне открыты.
 Я сердцем чувствую ее страданья.
 Из дома скорби вы сюда явились.
 Молю я вас теперь побыть со мною
 И не таить, чтоб с нею не случилось.
 Я вижу взор ваш отягчен слезою,
 Смущен ваш вид, лицо все изменилось
 И сердце замерло во мне с тоскою.

Этот сонет делится на 2 части. В первой я молю и спрашиваю этих донн, от нее ли они приходят, говоря им, что я предполагаю это, так как они возвращаются такие облагороженные. Во втором я прошу их, чтоб они мне рассказали о ней. Вторая начинается словами: из дома скорби.

С о н е т 13.

Ты тот ли, что беседовал порою
 О донне нашей с нами так смиренно?
 С ним голосом ты сходен несомненно,
 Но обладал он внешностью иною.
 О чем рыдаешь ты с такой тоскою,
 Что все тебя жалеют неизменно.
 Или, увидев слезы той блаженной,
 Не можешь тайно ты скорбеть душою.
 Оставь идти нас слезы лить в печали;
 (Тот грешен, кто несет нам утешенье).
 Мы скорбные слова ее слышали,
 Мы видели и слезы и терзанья.
 И люди те, что видеть их желали,
 Упали бы, наверно, без дыханья.

Этот сонет делится на 4 части, следуя четырем объяснениям, которые давали донны в ответ мне. Но так как все они достаточно ясны, то я не буду рассказывать их смысл, ограничусь только обозначеньем их. Вторая начинается словами: о чем рыдаешь ты; третья: оставь идти нас, четвертая: мы видели.

ГЛАВА XXIII.

Через несколько дней после этого некоторая часть моего существа была охвачена болезнью мучительной и много дней я непрерывно страдал от жестокой боли; болезнь эта привела меня к такой слабости, что я уподобился тем, которые совсем не могут двигаться. И вот на девятый день, когда я испытывал невыносимые страдания, мне пришла в голову мысль о моей донне. И когда я думал о ней, я возвратился мыслью к ничтожной жизни своей — и видя, как хрупка она даже тогда, когда я бываю здоров, я начал плакать про себя о такой печали. И вздыхая тяжело, говорил сам себе: неизбеж-

но должно случиться, что моя Беатриче тоже умрет. И тогда меня охватила такая глубокая тоска, что я закрыл глаза и мучаясь, как охваченный бредом, я грезил об этом и вот, как только я отдался во власть своему воображению, перед мною предстало виденье в образе некоторых женщин с распущенными волосами, которые мне говорили, и ты умрешь. И после этих женщин я увидел множество лиц, ужасающих на взгляд, которые мне говорили: ты умер. И так, блуждая в образах фантазии своей, я дошел до того, что не помнил, где я нахожусь; и казалось мне, что я вижу женщин просто-волосых и плачущих; они шли по дороге, необыкновенно печальные и казалось мне, что солнце потемнело так, что стали яркими звезды и как будто они плакали, и птицы, летящие по воздуху, падали мертвыми, и слышался грохот сильнейшего землетрясения. И я, дивясь такой фантазии своей и сильно перепуганный увидел в воображении друга своего, который явился ко мне, чтобы сказать: разве ты не знаешь, твоя чудесная донна рассталась с здешним миром. Тогда я начал жалобно плакать, и не только в воображении плакал я, но и на самом деле лицо мое было орошено подлинными слезами, И я взглянул на небо и показалось мне, что я вижу там множество ангелов, которые возвращались на небо и перед ними я заметил маленькое облачко снежно-белое. И казалось мне, что ангелы торжественно пели и я слышал слова той песни: Осанна в вышних; и более я ничего не понял. И тогда мое сердце, в котором было столько любви, сказала мне: поистине верно то, что донна наша лежит мертвая. И тогда я пошел взглянуть на тело, в котором заключалась благороднейшая и блаженная душа. И так силен был бред моей фантазии, что я увидел эту донну мертвой. И видел я, как женщины покрыли голову ее белым покрывалом, и лицо ее казалось исполненным такого смирения, что, казалось,

она говорила: я вижу источник мира. И при этом виденьи я исполнился таким смиреньем, глядя на нее, что, зывая к смерти, сказал такие слова: Сладчайшая смерть, приди ко мне, не будь ко мне жестокой, ты должна быть благородной, если ты водворилась в таком месте; приди ко мне, я так страстно тебя желаю и ты видишь, что я уже ношу цвет твой. И когда я посмотрел на все печальные обряды, которые совершаются над телом усопшей, я вернулся в свою комнату и там сидел и смотрел на небо. И так сильно владело мною воображение, что я, рыдая, начал говорить по-настоящему: о, прекрасная душа, сколь блажен тот, кто тебя видит.

И когда я говорил эти слова с горестным рыданием и звал: смерть, приди ко мне, молодая и прекрасная донна, которая находилась около моей постели, думая, что и слова мои и слезы вызваны были моими страданиями от болезни, со страху начала плакать сама. И другие донны, которые были в комнате моей, подбежали ко мне, иривлеченные ее плачем и удалили от меня ту, которая соединена была со мною теснейшими узами крови. Они подошли ко мне, чтобы разубедить меня, думая, что я сплю и говорили мне: проснись, не спи больше, и не печалься. И когда они говорили так, бред мой внезапно прекратился в ту минуту, когда я хотел сказать: о Беатриче, будь ты благословенна. И я уже сказал о Беатриче..., когда, придя в себя, открыл глаза свои. И я увидел, что был обманут, и когда я произносил это слово, голос мой был такой хриплый от рыданий и слез, что донны эти не могли меня услышать и понять. И я был охвачен стыдом, но никакие нежные уговоры и увещания не заставили меня им открыться. И когда они меня видели, они говорили: он кажется мертвым и между собою решили: попробуем его утешить; и говорили мне много слов утешения и спрашивали меня, чего я так испугался? И я, наконец, немного успокоившись и убе-

дившись в обманчивости своего виденья, ответил им: я расскажу вам, что со мною было. Тогда я начал с самого начала и до конца, я рассказал им все, что видел, умолчав, лишь об имени этой благороднейшей. И потом оправившись от болезни своей, я решил рассказать все, что со мною произошло, так как мне казалось, что всем будет приятно послушать это, и я написал эту канцону.

К а н ц о н а I I .

Наполнили живейшим состраданием
 Прелестную и молодую донну,
 Что там была, где смерть я звал, стеная,
 Очей моих печаль, мои терзанья,
 Мой тяжкий бред и горестные стоны.
 И в страхе стала слезы лить, рыдая.
 И донны все, что были рядом с тою,
 Решили увести ее поспешно
 От скорби безутешной.
 Потом будить меня все принялися,
 Мне говоря: проснися!
 О чем рыдаешь ты с такой тоскою?
 Тут прекратился разом бред мой сонный
 И я проснулся с именем мадонны.

II.

Но им не слышен был мой голос скорбный,
 Охрипший и от слез и от волненья,
 И имя то лишь в сердце прозвучало.
 А я, Амуру властному покорный,
 Весь бледный от стыда и от смущенья,
 Лицо свое к ним обратил устало.
 Оно весь прежний вид свой изменило,
 И чудилось в нем смерти приближенье.
 Он жаждет утешенья,

Меня жалея, донны размышляли,
 И снова вопрошали:
 Что видел ты, что так тебя смутило?
 И я ответил им, придя в сознание:
 Послушайте мое повествование.

III.

Мой ум был занят думою такую:
 Как быстротечна наша жизнь земная,
 Амур заплакал в сердце безнадежно,
 Душа моя исполнилась тоскою,
 И я подумал, горестно вздыхая,
 Ведь, смерть мадонны тоже неизбежна.
 Печален стал тогда мой дух смятенный,
 Глаза усталые свои смыкая
 И мыслию блуждая
 В мечтах, среди печальных сновидений,
 И горестных волнений,
 Я был охвачен скоро бредом сонным.
 И донны гневно предо мной предстали,
 Умрешь и ты, они мне повторяли.

IV.

И неожиданными чудесами
 Мой ум был поражен в видении сонном.
 В местах нездешних предо мной предстали
 В слезах, с распущенными волосами
 Скорбящие, неведомые донны
 И шли, палимы стрелами печали.
 И видел дальше я, как понемногу
 Померкло солнце, звезды засияли
 И все они рыдали.
 И падали все птицы без движенья
 Под гром землетрясения.
 И кто-то бледный мне промолвил строго:
 К тебе не долетали вести эти?
 Прекрасной донны больше нет на свете.

V.

И взор свой отуманенный слезою,
 Я поднял к небу: белых, словно манна,
 Увидел ангелов; они летели
 И облачко имели пред собою;
 И как казалось мне тогда: Осанна!
 Те ангелы ликующие пели.
 Амур сказал: я от тебя не скрою,
 Пойдем туда мы, где лежит мадонна.
 И бред мой сонный
 Мне показал, где донна почивала.
 Прозрачным покрывалом
 Ее одели донны предо мною.
 Она ж, лицом смиренье выражая,
 Как будто молвила: покой нашла я.

VI.

Смиранным стал я, просветлел душою,
 Когда увидел, сколько в ней смиренья.
 И молвил: смерть, ты стала благосклонной,
 Исполнилась невольно добротою,
 Лишилась сразу злобы и презренья
 С тех пор как овладела ты мадонной.
 И стал желать я смерти, к ней взывая:
 Я твой, о смерть, я сходен стал с тобою,
 К тебе стремясь душою.
 Я удаился, был конец обрядам.
 И проникая взглядом
 Небесный свод, сказал: душа святая,
 Блаженны люди, что тебя видали.
 Тут, донны, вы мой сонный бред прервали.

Эта канцона делится на 2 части. В первой я говорю, обращаясь к неизвестному лицу, как я был пробужден от обманчивых грез некоторыми доннами. И как обещал им рассказать о них. Во второй я рассказываю об этом. Вторая начинается словами: я размышлял.

Первая часть делится на 2: в первой я говорю о том, что говорили и делали некие донны и особенно одна из них, видя меня в бреду раньше, чем я пришел в чувство. Во второй я рассказываю, что они говорили мне, когда я перестал бредить, и эта часть начинается так: но им не слышен был. Потом, когда я говорю: я размышлял — я рассказываю, как я им сообщил о моем виденьи. А в той последней заключено еще 2 части. В первой я рассказываю по порядку все свое виденье, во второй, дойдя до того мгновенья, как они меня позвали, благодарю их в заключение. И эта часть начинается словами: тут, донны, вы...

ГЛАВА XXIV.

После этого обманчивого виденья моего случилось так, что я однажды сидел где-то задумавшись и вдруг почувствовал, что в сердце моем начался трепет, как бывало со мною в присутствии моей донны, и тогда предо мною предстал в виденьи Амур; он шел, казалось, оттуда, где находилась моя донна, и словно говорил весело в моем сердце: подумай о том, чтобы благословить день, когда я овладел тобою, ибо ты должен это сделать. И поистине мне казалось, что сердце мое исполнилось такой радости, как будто это было не мое сердце и стало оно совсем иным. И вскоре после этих слов, которые сердце сказало мне от имени Амура, я увидел, что ко мне приближалась благородная донна замечательной красоты, которую очень любил мой лучший друг. Имя этой донны было Джиованна, но ради ее красоты, как думают, ей дали название: Primavera (весна) и так она и звалась.

И следом за нею я увидел прелестную Беатриче. Эти донны прошли близко от меня одна за другою и казалось мне, что Амур сказал в сердце моем так: эта донна называется Primavera (т. е. идущая впереди);

за то только, что сегодня прошла таким образом, я заставил того, кто дал ей это имя, назвать ее так — Primavera, что значить идущая впереди *) в тот день, когда Беатриче предстанет в воображении своего верного. И если подумать об ее первом имени, — оно говорит то, что и Primavera, потому что имя ее Джiovанна происходит от того Иоанна, который был предшественником Света Истинного, когда он говорил: Я глас вопиющего в пустыне, приготовьте путь Господу. И потом, казалось мне, я слышал другие слова: кто хотел бы тонко обсудить дело, тот мог бы назвать Беатриче Амуром за то сходство, которое она имеет со мною. И я потом, размышляя об этом, решил написать в стихах другу моему, умалчивая о том, о чем следует молчать, т. к. я полагал, что сердце его еще было увлечено красотой этой прелестной — Primavera. И я написал такой сонет.

С о н е т 14.

Я чувствовал, как в сердце пробудился
 От сна глубокого мой дух влюбленный
 И предо мной, весельем оживленный,
 Неузнаваемый, — Амур явился.
 Весь радостью и смехом озаренный,
 Воздай мне честь, ко мне он обратился.
 Я поглядел в ту сторону смущенно
 Откуда он недавно появился.
 И монна Биче с монной **) Ванной рядом
 Навстречу мне оттуда шли спокойно,
 Два редких чуда людям для примера.
 Амур сказал мне, их окинув взглядом:

*) Джiovанна, или Монна Ванна — возлюбленная Гвидо Кавальканти. Он воспевал ее под именем Примаверы, она как раз та Монна Ванна, о которой говорится в знаменитом сонете Данте: Guido, vorrei.

**) Монна, — сокращенная мадонна. Это единственное указание на то, что Беатриче была замужней женщиной. Биче, сокращенное Беатриче.

Та первая зовется «Примавера»,
 Другая же «Амуром» быть достойна.

Этот сонет имеет много частей. В первой говорится о том, как я почувствовал в своем сердце пробуждение обычного волнения и как Амур явился предо мной издалека, исполненный веселья. Вторая часть повествует о том, что ~~явил~~ Амур в моем сердце и каким он мне показался. Третья говорит о том, как я, побыв с моим господином некоторое время, увидел и услышал некоторые вещи. Вторая часть, начинается словами: я посмотрел туда. Третья часть делится на 2: в первой я говорю о том, что я увидел, во второй о том, что я услышал и она начинается словами: Амур сказал мне.

ГЛАВА XXV.

Здесь может усомниться всякий, кто способен открыто заявить о своих сомненьях, в том, что я сказал об Амуре, как будто бы он был вещью в себе и не только духовной субстанцией, а также субстанцией физической (телесной). Но это на самом деле ложно, так как Амур не есть сама субстанция, но только свойство субстанции. А что я говорю о нем, как будто бы он был телом и еще человеческим (мужиной), явствует из трех вещей, которые я о нем говорю. Я заявляю, что я увидел его идущим издалека и так как «идти» говорят о том, кто движется в пространстве (а движется в пространстве, по Философу *), только тело), ясно, что я предполагаю Амура телом. Еще я сказал о нем, что он смеялся и также говорил; такие вещи подходят только к человеку, особенно смех; и выходит опять, что я считаю Амура человеком.

Чтоб пояснить это так, чтобы было понятно в на-

*) Философ — Аристотель, дошедший до средних веков и пользовавшийся большою популярностью.

стоящее время, надо вспомнить прежде всего, что в прежние времена не было поэтов любовных на народном языке, но были только поэты любви, писавшие по латыни. И у нас, говорю я, быть может также, как у других народов, случилось, и теперь случается, что как в Греции об этих вещах трактовали не народные поэты, а ученые. Не так много лет прошло с тех пор, как появились эти итальянские поэты; говорить рифмами по-итальянски то же, что писать латинские стихи с соответствующими изменениями. И знаком того, что прошло с того мало времени, является то, что если бы мы стали искать и в языке *ос* и в языке *si* *) , мы не найдем там вышесказанного от настоящего времени за пятьдесят лет назад. И причина, по которой некоторые грубые поэты прославились, та, что они были первые, писавшие по-итальянски! И первый, кто начал говорить стихи, как народный поэт, был побуждаем к тому желаньем быть понятным донне, которой трудно было понять латинские стихи. И это сказано против тех, кто пишет в романах не о предметах любовных.

Таким образом тот способ слагать стихи был изобретен для того, чтобы говорить о любви. И так поэтам принадлежит большая свобода в слове, чем прозаикам, и эти поэты рифмованных стихов ни что иное, как народные поэты, а поэтому справедливо и разумно предоставить им большую свободу в выражениях, чем другим, говорящим на народном языке. Значит, если какая-нибудь риторическая фигура позволена

*) Язык *ос* — провансальский, *si* — итальянский. Древние писали стихи без рифмы, сковывая их метром и ритмом. Романские народы стали употреблять рифмы. Первый провансальский поэт — Вильгельм — Пуатье жил в начале 12 века, за 2 века до Данте. Очевидно Данте знал позднейших провансальских лириков, живших за 50 лет до него. Говоря о «грубых поэтах», Данте имеет в виду целый ряд рифмотворцев очень слабых, имевших успех временный, лишь как первые поэты на итальянском языке.

поэтам вообще, то она позволена и этим стихотворцам. И если мы видим, что поэты говорят с неодушевленными предметами, как будто у них есть разум и чувства, пускай говорят так и не только правду, но и вымысел. Это значит, что они могут говорить о вещах, которых нет, как будто они говорят, и что многие свойства субстанции говорят так, как будто они были самой субстанцией и человеком.

Подобает стихотворцу поступать так, но не без основания, которое должно быть пояснено в прозе. Что поэты говорили именно так, как я сейчас рассказал, — видно уже у Вергилия, который утверждает, что Юнона, богиня враждебная троянцам, так обращается к Эолу, повелителю ветров в первой песне Энеиды: *Aeole, patque tibi etc.* и этот бог отвечает ей так:

*Tuus, o regina, quid optes
Explorare labor; mihi jussa capessere fas est.*

Устами этого самого поэта неодушевленный предмет говорит одушевленному в третьей песне Энеиды так:

Dardanidae duri est.

У Лукана говорит предмет одушевленный неодушевленному так:

Multum, Roma, tamen debes civilibus armis.

У Горация человек говорит со своею ученостью как бы с другим лицом, и не только эти слова суть слова самого Горация, но он приводит слова доброго Гомера в своей поэтике: *Dic mihi, Musa, virum etc.*

У Овидия говорит Амур, как человеческая личность, в начале книги, которая носит название: Средства Любви, — так: *Bella mihi, video, bella parantur, ait.*

И таким образом ясно должно быть все тому, кто сомневался в этом месте моей книжки.

Но чтобы плохие поэты не почерпнули отсюда некоторой дерзости, скажу, что ни поэты не должны так говорить без основания, ни рифмотворцы, если они не име-

ют достаточного повода, чтобы говорить так; потому что очень стыдно было бы тому, кто, скрыв вещи под риторическим одеянием и фигурю, будучи спрошенным, не сумел бы обнажить свои слова от подобного покрова, так чтобы стал понятным их прямой смысл. А это мне и моему лучшему другу хорошо известно о некоторых, которые пишут глупые стихи.

ГЛАВА XXVI.

Эта благороднейшая донна, о которой говорилось раньше, так привлекала всех людей, что когда она проходила по улице, люди бежали за нею, чтоб только взглянуть на нее, и это радовало меня необычайно. И когда она приближалась к кому-нибудь, тот чувствовал в сердце своем столько благоговения, что не смел поднять на нее глаза или ответить на ее поклон, и многие, испытывавшие это, могли бы быть свидетелями для тех, кто не верит *). Увенчанная и одетая смиреньем, она шла, не показывая никому тщеславия от того, что видела и слышала. Многие говорили, когда она проходила мимо: это не женщина, это один из прекраснейших Ангелов небесных. А другие говорили: это чудо! Благословен Господь, творящий так чудесно. А она была так прелестна и полна очарованья, что те, кто смотрел на нее, чувствовали в сердце своем нежность такую чистую и сладостную, что и выразить не умели; и не было никого, кто бы прежде, чем посмотреть на нее, не вздохнул бы. Это и другое многое чудесным образом от нее исходило. И я, размышляя о всем этом, захотел снова встать на путь прославления ее и решил сказать слова, в ко-

*) Не верить в те чудесные свойства Беатриче, которые производили в сердцах людей при взгляде на нее благодетельную перемену.

торых я бы мог дать понять о всем чудесном, что от нее исходило, чтобы не только те, кто мог ее непосредственно видеть, но и другие знали о ней то, что я выражу в этих своих словах. И я написал такой сонет.

С о н е т 15.

Чиста и благородна моя донна,
 Невольно взоры клонит перед нею,
 От робости и трепета немея,
 Кто удостоится ее поклона.
 Одетая смиреньем, неуклонно
 Она идет дорогою своею.
 Чтоб чудо на земле явить живее,
 Она сошла на землю с небосклона.
 И взор, чудесной красотой плененный,
 Блаженство прямо в сердце посылает,
 Тот не поймет, кто сам не испытает,
 И уст ее сладчайших дуновенье
 Исполнено любовного томленья.
 Вздыхай! твердит оно душе смятенной.

Этот сонет так просто понять, имея в виду все то, что я рассказал раньше, что для него не нужно никаких делений и потому я оставляю его так.

ГЛАВА XXVII.

Моя донна преисполнена такой грации, что не только она сама была всеми хвалима и почитаема, но через нее удостоились похвал и почитания многие другие. И я, видя это и желая сделать это известным тем, кто, не видел, решил сказать такие слова, в которых все это было бы ясно выражено и написал тогда другой сонет, который начинается словами: кто среди донн других; в нем говорится, как ее благородство действует на других, как это станет ясно из его подразделений.

С о н е т 16.

Кто среди донн других ее встречает,
 Исполнен радости и восхищенья,
 Тот на мадонну взоры поднимая,
 Создателю невольно шлет хваленья.
 Имеет силу красота такая
 Рождать в сердцах людей лишь умиление,
 В них зависти к себе не возбуждая;
 И благородством, верой и смиреньем
 Одетые, они идут за нею.
 И не одна мадонна так прелестна, —
 Становятся достойными хваленья
 Все те, кого мы видим рядом с нею;
 Припоминая взор ее чудесный,
 Вздыхают все от сладкого томленья.

Этот сонет имеет три части: в первой — я говорю, среди каких людей эта донна кажется иаиболее чудесной; во второй — как благодетельно ее общество; в третьей говорю о том, каким образом она влияет на людей. Вторая начинается так: кто на мадонну; третья— так: имеет силу. Эта последняя часть делится на три: в первой я говорю о том, что она вызывает в доннах, т. е. что происходит в них самих; во второй я говорю о том, что она вызывает в них для других; в третьей я рассказываю о том, что не только с доннами, но и со всеми людьми происходит и не только в ее присутствии, но и при воспоминании о ней. Вторая начинается так: и благородством; третья: все те, кого мы.

ГЛАВА XXVIII.

Вскоре после этого, я как-то размышлял обо всем, что было сказано мною в предыдущих сонетах; и я увидел, что в них я не сказал о том, что происходит в настоящее время со мною и это показалось мне недо-

статком моих стихов и я решил тогда сказать такие слова, в которых выражалось бы все то, что со мною делается под влиянием моей донны и какое действие производят на меня ее достоинства. И думая, что я не смогу передать этого в коротком сонете, начал я тогда канцону такую:

Отрывок канцоны *)).

Давно владел Амур душой моею,
 Я исполнял его все повеленья.
 Но раньше власть его была — мученье.
 Теперь всем сердцем я его лелею!
 Когда ж, ему покорный, я слабею
 И духи все трепещут от волненья,
 Я исполняюсь сладости томленья,
 В лице меняюсь сразу и бледнею.
 И так Амур, душой овладевает,
 Что только вздохи из груди смятенной
 Прелестнейшую донну
 Красноречиво молят о спасеньи.
 И я всегда пред этим взором чудным
 Робею так, что и поверить трудно.

ГЛАВА XXIX.

Quomodo, sedet sola civitas plena populo! facta est, quasi vidua domina gentium **).

Я работал еще над этой канцоной и только что окончил приведенную выше строфу, когда праведный Бог отозвал эту прелестнейшую, чтоб она блистала под знаменем благословенной Царицы Марии, чье имя

*) Этот отрывок мог бы считаться сонетом по форме и расположению рифм, если бы не 11-й стих — трехстопный.

**) Как пуст стал город, наполненный людьми. Вдовую стала царица народов. Плач Иеремии, I, I. В главе 31 автор говорит, что он поместил сюда стих Иеремии, как введение в новое повествование, кот. следует потом.

с таким благоговением произносили уста блаженной Беатриче. Пожалуй, следовало бы теперь рассказать о том, как она покинула нас, но я не хочу говорить об этом по трем причинам: во-первых, это не относится к моим планам, если мы хотим придерживаться того введения, которым начинается эта книжечка; во-вторых, если бы даже это и совпадало бы с моими планами, мое перо не смогло бы подобающим образом описать все это; в-третьих, если бы даже и то и другое было возможно, не подобает мне повествовать об этом, потому что, рассказывая, я должен был бы хвалить самого себя (а это стыдно и недостойно для всякого, кто так делает), и поэтому я предоставляю изложить все это какому-нибудь другому толкователю.

Но, так как цифра 9 часто упоминалась мною и, как кажется мне, не без основания, а с ее смертью она тоже неоднократно связана, — подобает здесь сказать нечто, что подходит к моим намереньям. Сначала я скажу, как это число относится к ее смерти, а потом объясню, в чем тут дело, отчего эта цифра была для нее такой дружественной.

ГЛАВА XXX.

Я говорю, что по итальянскому счислению благороднейшая душа ее отлетела в первый час девятого дня в месяце, а по Сирийскому исчислению она отлетела в девятый месяц года; так как там первый месяц Тизрин, тот, что у нас зовется октябрём. А по нашему счислению она преставилась в тот год нашей эры, т. е. от Рождества Христова, в который идеальное число 9 раз было повторено в том столетии, в котором она родилась на свет; а это было по христианскому летоисчислению тринадцатое столетие *). Причиной этому

*) Выходит, что Беатриче умерла в первый час 9-го июля 1290 года.

могло быть то, что это число ей было благоприятно; и так как выходит по Птолемею и по Христианской истине, что девять сфер небесных вращаются, а по общему мнению астрологов названные сферы влияют на землю, следуя своему обычаю, все вместе; это число было ей благоприятно; это значит, что при рождении ее все девять подвижных небесных сфер действовали в полном единении. Это объяснение всего, но более тонко размышляя и по непреложной истине нужно признать, что это число была она сама; я утверждаю это по сходству и это значит вот что: число три корень девяти, потому без помощи другого числа, само на себя помноженное дает девять, как явствует из того, что трижды три — будет девять.

Значит, если три само по себе есть основатель девяти, оно в то же время есть чудесный фактор, так как Отец, Сын и Дух Святой суть трое в одном; эту донну сопровождала всегда цифра девять, это значит, что она была девяткой, т. е. чудом, в корне которого лежит только чудесная троица. Быть может для более тонких людей потребовалось бы и более тонкое толкование; но я привел то, которое я вижу и которое мне нравится *).

ГЛАВА XXXI.

После того, как эта благороднейшая донна рассталась с этим миром, остался весь город, как вдова, лишенный всякого достоинства, и я еще, проливая слезы в печальном этом городе, написал владельцам некоторых земель обо всем, что случилось, взяв за заголовок слова Иеремии пророка: как пуст стал город!

*) По Птолемею небо состоит из 9 небесных сфер: 7 планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн), восьмое — небо неподвижных звезд и 9 кристалльное небо или перводвигатель. Данте усвоил схоластическую манеру одухотворять числа, как Пифагор. Нам такая игра с числами мало понятна.

И я это сказал, чтобы другие не удивлялись, почему я привел их раньше, как введение к новому повествованию, которое следует за ними. И если бы кто хотел меня упрекнуть в том, что я не написал здесь тех слов, которые следуют за вышеприведенными, извините меня в том, так как намерением моим не было вначале писать иначе, как по-итальянски, а так как те слова, что следуют за приведенными, все латинские, было бы противно моим желаньям их переписывать. И это намерение известно моему другу, которому я написал все это только по-итальянски.

ГЛАВА XXXII.

Так как глаза мои много плакали и были такие утомленные, что я не мог больше облегчить своей печали, я попытался рассеять ее некоторыми горестными словами; и тогда я решил написать канцону, в которой я говорил бы, плача, о ней, ради кого скорбь разрушала мою душу, и я начал тогда: глаза печальные etc.

И так как эта канцона кажется, как будто, вдовой до своего конца, я разделю ее прежде, чем напишу, и такой способ я буду употреблять впредь. Итак эта жалобная канцона имеет три части: первая — введение; во второй я рассуждаю о ней; в третьей благоговейно обращаю к канцоне. Вторая начинается так: Высоко Беатриче; третья так: канцона грустная. Первая часть разделяется на три: в первой я говорю, что меня побуждает писать, во второй — к кому я обращаюсь, в третьей — о ком я хочу говорить. Вторая начинается так; я должен речь свою начать; третья так: в слезах, тоской объятый. Потом, когда я говорю: Высоко Беатриче, я рассуждаю о ней и делаю это в двух частях: в первой говорю о причине, по которой она от нас взята, потом я говорю, как все плачут о ней и начинаю эту часть словами:

покинула прекраснейшее тело. Эта часть делится на три: в первой говорю о том, кто о ней не плачет, во второй о том кто плачет, в третьей говорю о своем поведении. Вторая начинается так: но горькие страдания; третья: и от печали. Потом, когда я говорю: канцона грустная, я обращаюсь к той моей канцоне, указывая ей, к каким доннам она должна идти, чтоб остаться с ними.

К а н ц о н а I I I .

I.

Глаза печальные в тоске сердечной
 Потоки слез горчайших лить устали.
 Теперь иссякла их струя живая,
 Чтоб дать исход печалям бесконечным,
 Что к смерти незаметно приближали,
 Я должен речь свою начать, рыдая.
 Мадонны, с вами я, припоминаю,
 Охотно говорил о донне милой,
 Когда она еще жила на свете;
 А снова речи эти
 В слезах, тоской объятый и унылый,
 К сердцам возвышенным я обращаю.
 На небо вознеслась она душою,
 Остался горестный Амур со мною.

II.

Высоко Беатриче улетела,
 Туда, где мирных ангелов владенья
 И на земле покинув вас, мадонны,
 Она остаться с ними захотела.
 Не тяжкий зной и не мороз студеный
 Унес ее, но лишь ее смиренность.
 И луч его в небесные селенья
 Проник к подножью царственного трона.
 И, чтоб увидеть чудное созданье,
 Сладчайшее желанье

Создатель возымел тогда, — мадонну
 С земли он отозвал в свои владенья.
 Он видел, недостойна жизнь земная,
 Чтоб пребывала в ней душа святая.

III.

Покинула прекраснейшее тело,
 И унеслась душа ее святая
 И блещет там, где быть ей подобает.
 В том сердце словно камень отвердело,
 Кто слез не льет, об этом размышляя,
 И дух любви в него не проникает.
 Кто низменной душою обладает,
 О ней иметь не может представленья
 И слезы лить не чувствует желанья;
 Но горькие страданья,
 Души, навек лишенной утешенья,
 Смертельный плач, и скорбь, и воздыханья
 Удел того, чей ум постигнет ясно:
 Мадонны нет, — она была прекрасна.

IV.

И, от печали горестно вздыхая,
 Я предаюсь о той воспоминаньям,
 Что завладела всей душой моею.
 Я много раз о смерти размышляю,
 И к ней меня сладчайшее желанье
 Влечет тогда и я лицом бледнею.
 В воображении я перед нею
 Испытываю тяжкое томленье,
 Но прихожу в себя я от страданий
 И горестных мечтаний
 И от людей бегу тогда в смущеньи.
 Потом один, сквозь слезы и рыданья —
 Мертва ты! К Беатриче я взываю,
 И этим скорбь свою я облегчаю.

V.

И слезы лью я, горестно издыхая,
 От муки сердца, скорбный, одинокий,
 И в людях мог бы вызвать состраданье,
 Какую стала жизнь моя земная
 С тех пор, как взял мадонну рай далекий,
 Тому в словах обычных нет названья.
 И несмотря на всё мое желанье,
 Как рассказать Вам, донны, я не знаю,
 Что жизнью беспощадною измучен,
 Я стал уныл, и скучен.
 Все говорят: тебя я покидаю, —
 При виде бледных губ и скорби жгучей.
 Но знает все мадонна неизменно
 И милости ее я жду смиренно.

VI.

Канцона грустная, лети, рыдая,
 Где девушки и донны ожидают.
 К ним с сестрами твоими
 Обычно смех и радость прилетали,
 Лети ж туда, канцона, дочь печали,
 И, безутешная, останься с ними.

ГЛАВА XXXIII.

После того, как я написал эту канцону, пришел ко мне некто, бывший для меня по степени дружбы самым близким после моего лучшего друга,*) и он так был связан по крови с этой преславной, что никто не был ей ближе. И, поговорив со мною, он попросил меня написать ему что-нибудь в память одной умершей донны и, затемняя свои слова он, казалось, говорил о другой

*) Первый друг Данте — Гвидо Кавальканти, второй Чино да Пистойя и Лаппо Джиани. Здесь говорится о брате Беатриче Манетто Портинари. Это единственное место, где Данте упоминает о своей близкой дружбе к нему.

донне, которая умерла только что, но я, догадавшись, что он подразумевал только ту благословенную, ответил ему, что исполню его просьбу. И поразмыслив, я решил написать сонет, в котором я изливаю свою скорбь и дать этому моему другу, чтобы казалось, как будто я сделал это для него, и тогда я написал сонет: Придите выслушать, который имеет 2 части: в первой я призываю всех верных Амуру меня выслушать, во второй рассказываю о своей печальной жизни. Вторая начинается так: лишь вздохами.

С о н е т 17.

Придите выслушать мои вздыханья,
 О, нежные сердца, вас умоляю,
 Лишь вздохами себя я облегчаю,
 Без них я б умер, верно, от страданья.
 Но несмотря на все мое желанье,
 Из грустных глаз я слез не проливаю,
 И о мадонне плача и рыдая,
 Не в силах я смягчить свои терзанья.
 Я вздохами мадонну призываю,
 Но унеслась душа святая эта,
 В ее достойный мир, к пределам дальним.
 О, как презренна стала жизнь земная
 И тяжела душе одной печальной,
 Лишенной навсегда ее привета.

ГЛАВА XXXIV.

Когда я написал этот сонет, я вспомнил, что обещал его отдать тому, кто меня просил об этом, как будто я писал для него и я увидел, что эта услуга моя бедна и жалка для того, кто был так близок моей преславной донне. И потому прежде, чем отдать ему этот сонет, я написал еще 2 строфы канцоны, одну действительно для него, а другую для себя, хотя и кажется,

что они обе сказаны от одного лица, если не вглядываться в них внимательно. Но кто пристально посмотрит, тот увидит хорошо, что тут говорят два различных лица, так как один не называет донну своею, а другой называет, как то ясно выражается в ней. Эту канцону и этот сонет я дал ему, сказав, что написал их только для него. Канцона начинается так: О сколько раз, — и имеет 2 части. В одной, именно в первой строфе, жалуется этот мой дорогой друг, родственник ей; во второй части жалуясь я сам, и именно во второй строфе, которая начинается так: исходит из груди. И выходит так, что в этой канцоне жалуется два лица, один из них, как ее брат, другой, как ее слуга.

К а н ц о н а IV.

О, сколько б раз не вспомнил я душою,
 Что я не должен боле
 Увидеть донну, сердце мне; пронзаешь
 Ты, злая скорбь, и я иду с тоскою,
 Твердя в унылой доле:
 Душа, зачем ты прочь не улетаешь.
 Странанья те, что ты претерпеваешь
 Здесь в этой жизни, столь тебе досадной,
 Меня сильнейшим страхом наполняют
 И смерть я призываю,
 Она дает покой и мир отрадней.
 С любовью ей твержу: приди за мною!
 Завидуя умершим всей душою.
 Сливаются в груди моей вздыханья
 И жалобные стоны,
 В них смерть я призываю ежечасно,
 К ней обратились все мои желанья
 Когда, рукою властной,
 Жестокая мою сразила донну.
 Блеск красоты ее на небосклоне,

От наших глаз сокрывшейся мгновенно,
 Там засиял духовной красотой,
 Как яркою звездою,
 И ангелов приветствовал блаженных
 И разум их, высокий и свободный
 Был поражен красой столь благородной.

ГЛАВА XXXV.

В тот день, когда исполнился год с тех пор как донна эта сделалась обительницей вечной жизни *), я сидел в таком месте, где, вспоминая о ней, рисовал ангела на некоторых дощечках**) и в то время, как я рисовал, я обернулся и увидел недалеко от себя людей, которым подобало воздать честь. Они посмотрели, что я делаю, и судя по тому, что мне потом рассказывали, они стояли тут некоторое время, прежде чем были замечены мною. Когда увидел их, я встал, и, приветствуя их, сказал: кто-то другой был только что со мною и поэтому я задумался. Когда они ушли, я вернулся к своей работе, т. е. продолжал рисовать лицо ангела, и пока я работал, мне пришла в голову мысль сказать стихи в память ее годовщины и написать их тем, что пришли ко мне: и тогда я написал такой сонет, который начинается словами: я вспоминал; и который имеет два начала. Поэтому я и разделю его соответственно с тем и другим.

Я говорю, что следуя первому началу, этот сонет имеет три части: в первой я говорю, что эта донна была в моей памяти, во втором говорю о том, что сделал со мной Амур, в третьей говорю о действиях Амура.

*) Следовательно, речь идет о 9 июне 1291 года.

**) Леонардо Бруни Аретино говорит, что Данте прекрасно рисовал. Известна его тесная дружба с Giotto, он — оставил нам его портрет, как фреску на стене Bargello. Бальдинуччи слышал, что Giotto рисовал в капелле св. Клары в Неаполе фрески из Апокалипсиса по указаниям Данте.

Вторая начинается так: Амур в своей печали; третья так: и вздохам приказал.

Эта часть делится на две: в одной говорю, что вздохи мои вылетали как бы говоря; во второй, говорю, что одни говорили одни слова, другие — иные. Вторая часть начинается так: иные шли. Таким же точно образом делится сонет с другим началом, с той разницей, что в первой части я говорю о том, когда эта донна пришла мне на память, а в первый раз не говорю этого.

С о н е т 18.

Первое начало.

Я вспоминал о донне всеблаженной,
Той, что вознес за доброту создатель
В небесный рай, туда, где в благодати
Мария Дева царствует смиренно.

Второе начало.

Я вспоминал о донне всеблаженной,
О ней рыдает и Амур со мною,
А вы, влекомы донны чистотою,
Пришли смотреть, что делал я, смиренный.
Амур в своей печали неизменной
Проснулся в сердце, мучимом тоскою,
И вздохам приказал лететь гурьбою,
И грустно понеслись они мгновенно.
С рыданьем из груди они, стеная,
Рвались и лили слез потоки,
Глаза мои в печали бесконечной.
Иные шли с трудом, скорбя глубоко,
И говорили: о, душа святая!
Вот год, как ты достигла жизни вечной.

ГЛАВА XXXVI.

Через несколько времени я находился как-то в таком месте, где я вспоминал о прошлом: и я глубоко задумался и мои скорбные мысли выражались на моем лице ужасной растерянностью. И я, заметив в себе это выражение муки, поднял глаза, чтобы посмотреть, не видит ли меня кто-нибудь. И я заметил тогда благородную донну, молодую и прекрасную, которая смотрела на меня из окна с выражением сострадания на лице; казалось, что вся жалость собрана была в ней. И так как печальные, когда они видят сочувствие в других, еще скорее склоняются к слезам, как бы жалея самих себя, то я и почувствовал тогда, что глаза мои хотят начать плакать и, так как я боялся показать слабость свою, я отвел глаза от этой благородной донны и сказал потом сам себе: не может быть, чтобы в этой сострадательной донне не было благороднейшей любви. И я решил сказать сонет, в котором я говорю с нею, и я заключил в него все то, что мною рассказано в предыдущей главе. И так как рассказ этот достаточно ясен, я не буду делить его.

С о н е т 19.

Глаза мои видали сожаленье,
 Что Вы в лице так ясно выражали,
 Смотря, как полны муки и печали
 Черты мои и все мои движенья.
 И мне казалось, — Вы, в воображеньи,
 О жизни горестной моей мечтали.
 Боялся я, чтоб Вы не прочитали
 В глазах моих про все мои мученья;
 И отвернулся я от Вас поспешно,
 Чтоб скрыть свой взор, слезами омраченный,
 Их пробудило Ваше сострадание,

И я душе промолвил неутешной:
 О, как любовь прекрасна этой донны,
 Что вызвала теперь мои рыдания.

ГЛАВА XXXVII.

Случилось так, что эта донна каждый раз, как она меня видела, выражала в лице своем сострадание и бледнела, словно от любви; и я много раз вспоминал о моей благороднейшей донне, которая часто бывала такою же. И, конечно, много раз, когда я не мог плакать и тем облегчать свою печаль, — я шел, чтобы взглянуть на эту сострадательную донну*), которая, казалось, вызывала слезы из глаз одним своим видом и потому я возымел желанье сказать слова о ней и написал этот сонет, который начинается словами: И бледный цвет любви, и который понятен без всяких разделений из предыдущей главы.

С о н е т 20.

И бледный цвет любви и состраданье
 Еще ни разу, как у Вас, мадонна,
 Так не сливались дивно-умиленно
 При виде слез и горестных терзаний,
 Когда услышать Вам пришлось рыдания
 Из уст моих печалью истомленных.
 И испугался Вами я смущенный,
 Что сердце разорвется от страдания,
 Но удержать не мог я глаз усталых,
 Чтобы на Вас так часто не смотрели;
 И слезы проливать, — одно желанье, —
 При виде Вас еще сильнее стало,
 И от него глаза мои горели...
 Но плакать я при Вас не в состояньи.

*) По свидетельству Боккаччо — сострадательная донна была никто иное, как Джемма Донати, впоследствии жена поэта.

ГЛАВА XXXVIII.

Я дошел до того при виде этой донны, что мои глаза начали слишком развлекаться, когда на нее смотрели; и это много раз заставляло меня сердиться на свое сердце, и я считал его очень низким, и часто я порицал суетность глаз моих и говорил им в мыслях своих: раньше вы обыкновенно заставляли плакать того, кто видел ваше горестное состояние, а теперь вы, как кажется, хотите забыть о нем, ради этой донны, которая смотрит на вас, а смотрит она на вас только поскольку она жалеет преславную донну, которую вы оплакиваете; но что можете делать, делайте! ибо я буду часто напоминать вам о ней, проклятые глаза и никогда, разве только после смерти, не должны остановиться ваши слезы. И когда я сказал это про себя глазам своим, меня осадили сильные и тревожные вздохи. И так как эта битва, которую я вел сам с собою, осталась неведомой для всех, кроме того несчастного, который испытал ее, я решил написать сонет и разъяснить в нем ужасное положение и написал следующий сонет, который начинается словами: те слезы горькие. Этот сонет имеет 2 части: в первой я говорю глазам моим, как будто бы сердце мое говорило во мне самом; во второй — устраняю всякое сомнение, разъясняя, кто и что говорит. И эта часть начинается словами: так сердце. Нужно было бы еще, пожалуй, сделать разделения, но они будут излишни, потому что все ясно из предыдущей главы.

С о н е т 21.

Те слезы горькие, что проливали
 Глаза мои, вы долго в огорченьи
 Скорбеть и плакать всех от сожаленья,
 Вы видели, невольно заставляли,
 Но чтобы вы о том не забывали

И не желая заслужить презренье, —
 От вас отнять я должен утешенье,
 Твердя о той, кого вы потеряли.
 О, как мне, ваша суетность презренна,
 Ее боюсь так, что взглянуть нет силы
 В лицо той донны, что на вас взирает
 «Глаза мои, должны вы до могилы
 О нашей донне помнить незабвенной»,
 Так сердце говорит вам и вздыхает.

ГЛАВА XXXIX.

Созерцание этой донны привело меня в такое состояние духа, что я часто думал о ней, как о той, кто мне очень нравится и думал о ней так: это благородная донна, прекрасная, молодая и мудрая и она явилась мне быть может по воле Амура, чтобы моя жизнь стала легче. А много раз я думал с большею любовью о ней, так как сердце мое соглашалось с этим рассуждением. И когда я допускал это, я начинал размышлять, как бы побуждаемый разумом, и говорил сам себе так: что это за мысль, которая хочет меня утешить таким низким способом и не оставляет мне никаких других мыслей. Потом вставала и другая мысль и говорила: теперь, когда ты находишься в такой тревоге, почему не хочешь ты избавить себя от такой горечи? Ты видишь это дуновенье, которое приносит с собою желанья Амура и исходит от такой благородной стороны, как та, где находятся глаза донны, которая показала себя такой сострадательной. И я, борясь с собою, таким образом, много раз, захотел сказать еще и об этом несколько слов и так как в этой битве мыслей победили те, которые говорили за нее, мне казалось подходящим обратиться к ней; и я написал этот сонет, который начинается словами: я полон благородною мечтою. Я говорю

благородною, поскольку я думаю о благородной донне, т. к. иначе она была бы самой низкой *).

В этом сонете я делю самого себя на 2 части, следуя тому, что мои мысли были разделены надвое. Одна часть зовется сердце, т. е. желанье, другая зовется душа — т. е. разум. И я рассказываю, как они разговаривали между собою. А что подобает называть желаньем сердце, и разумом — душу, достаточно ясно для всякого, кому мне хотелось бы это открыть.

Правда и то, что в предыдущем сонете я обращаю сердце против глаз моих, что как будто противоречит вышесказанному; и поэтому я говорю, что там я еще не понимаю под словом сердце — желанье, потому что тогда я еще гораздо больше желал помнить о моей благороднейшей донне, чем видеть эту, и выходит так, что мое стремление к ней уже было, но еще очень легкое; и отсюда ясно, что одно сказанное не противоречит другому. Этот сонет имеет три части: в первой я начинаю говорить этой донне, как мое желанье все обратилось к ней; во второй я говорю, как душа, т. е. разум говорит сердцу, т. е. желанью, в третьей — говорю, как она отвечает. Вторая начинается так: Душа спросила сердце; третья: и сердце молвило.

С о н е т 22.

Я полон благородною мечтою,
 Что повествует мне о вас прилежно
 И о любви беседует так нежно,
 Что сердцем я согласен с ней одною.
 Душа спросила сердце: кто такое
 Старается смягчить наш дух мятежный?
 И почему так власть его безбрежна,

*) Неясное место. Вероятно автор хочет сказать, что самая мысль о благородной донне благородна, если же мысль летит к другому, менее достойному предмету, то становится низкой.

Что расстаюсь я с мыслию иною.
 И сердце молвило душе смущенной:
 То дух любви ко мне приходит новый
 И посылает мне свои желанья,
 Всю силу жизни и всю власть готовый
 Излить в глаза сочувственные донны,
 Чье сердце наши тронули страданья.

ГЛАВА XL.

Против этого противника разума встало однажды, около девяти часов, яркое видение во мне; мне казалось, что я вижу эту преславную Беатриче в кровавых одеждах, как она предстала впервые очам моим; она казалась мне юной, в таком возрасте, как я ее увидел в первый раз. Тогда я начал думать о ней, и при этих воспоминаньях — как в былые времена, — сердце мое начало мучительно раскаиваться в том желаньи, которому оно позволило собою так низко овладеть на несколько дней вопреки постоянству разума. И, прогнав это дурное желанье, вернулись все мысли мои к своей благороднейшей Беатриче: и я говорю, что с тех пор впредь я стал думать о ней так от всего пристыженного сердца моего, что вздохи свидетельствовали об этом неоднократно и они почти все, уходя, говорили о том, что твердило сердце, т. е. имя этой благороднейшей и как она ушла от нас. И часто случалось, что столько боли приносила с собою иная мысль, что я забывал и ее и не помнил, где я находился.

И это возвращение вздохов вернуло и исчезнувшие слезы так, что мои глаза стали казаться двумя предметами, которые только и желают плакать, и часто случалось, что от долгого плача вокруг них появлялся пурпурный цвет, который бывает у тех, кто терпит муки: отсюда ясно, что они были достойно награждены за свою суетность, так что с тех пор не могли видеть никого из тех,

кто на них смотрел и мог бы отвлечь их от их намерения. И я, стремясь, чтобы такое дурное желанье и напрасное искушение оказалось разрушенным так, что никакое сомнение не могло закрасться в те стихи, что я сказал раньше, решил написать сонет, в котором я пояснил бы смысл этого рассуждения. И я написал тогда: Увы, мои несчетные... Я говорю — увы! потому, что я стыдился того, что глаза мои были так суетны. Я не разделяю этого сонета, так как смысл его и так ясен.

С о н е т 23.

Увы! мои несчетные вздыханья, —
 Их мысли в сердце горестном рождали, —
 Глаза мои так сильно утомляли,
 Что невозможно стало созерцанье.
 У них остались только два желанья:
 Страдать и слез потоки лить в печали.
 И плакать те глаза так часто стали,
 Что их обвил Амур венцом страданья.
 И мыслей тех и вздохов рой смятенный
 Наполнил сердце горестной тоскою;
 И стал тогда Амур совсем смиренным,
 Ведь вздохи силою полны такую:
 Звучит в них имя нежное Мадонны
 И много слов о смерти той блаженной.

ГЛАВА ХLI.

После этих волнений случилось так: в это время многие шли, чтобы увидеть благословенный образ, который Иисус Христос оставил нам, как отпечаток своего прекрасного лица, что созерцает теперь во славе своей моя донна, что некоторые пилигримы проходили по дороге, которая идет почти посередине того города, где родилась, жила и умерла благородная донна, и шли они, как мне казалось, глубоко задумавшись. И я, размышляя

о них, сказал самому себе: эти пилигримы наверное издалека, и я не верю, что они что-нибудь слышали об этой донне. Они, мне кажется, ничего о ней не знают; таким образом и мысли их об ином, а не о ней; быть может они думают о своих далеких друзьях, которых мы не знаем. Потом я сказал про себя: я знаю, что если бы они были из ближайших мест, то наверно их лица были бы омрачены при прохождении через город печали. И еще я сказал самому себе: если бы я мог задержать их немного, я бы мог их заставить плакать, прежде чем они ушли бы из этого города, и потому я скажу такие слова, которые заставят плакать всякого, кто их услышит. Итак, когда они скрылись из виду, я решил написать сонет, в котором я бы выразил то, что я сказал самому себе; и чтобы он вышел более жалобным, я решил сказать так, как будто бы я говорил с ними. И я написал этот сонет, который начинается словами: о, пилигримы.

Я говорю — пилигримы, следуя широкому значению этого слова, так как пилигримы можно понимать в двояком смысле — в широком и в узком. В широком — пилигрим всякий, кто находится вне своего отечества, в узком — пилигримом зовется только тот, кто идет к дому святого Якова или оттуда возвращается. И нужно сказать, что, собственно говоря, три названия имеют люди, которые идут на служение Всевышнему. Они зовутся — пальмоносцы, если они идут за море *), туда, где часто носят пальму; они называются — пилигримами, когда они идут в Галисию, потому что могила Св. Якова была дальше от его родины, чем всякого другого Апостола. Они зовутся «Romei» **), когда идут в Рим, куда шли и те, кого я здесь назвал пилигри-

*) В святую землю.

**) Слово, неперебиваемое на русский язык. Не римляне, а «идушие в Рим».

мами. Этот сонет не делится, т. к. смысл его совершенно ясен.

О, пилигримы, тихо вы идёте,
 И о вещах нездешних размышляя.
 По виду вашему я заключаю —
 В далеких странах верно, вы живете.
 Зачем же вы горячих слез не льете,
 Печальный город наш пересекая,
 Как будто ничего о том не зная,
 Что в наших горестных местах найдете.
 Когда бы вы на мне остановились,
 Я чувствую, что с горькими слезами
 Вы слушали б мое повествованье.
 Так знайте: Беатриче мы лишились,
 Все, что о ней расскажем мы словами,
 Заставит плакать вас от состраданья.

ГЛАВА XLII.

Две благородные донны обратились ко мне, прося меня прислать им эти мои стихи; и я, думая об их благородстве, решил послать им и сделать что-нибудь новое, чтобы я мог послать с этими стихами вместе, чтобы более достойным образом исполнить их просьбу. И я написал тогда сонет, в котором я рассказываю о своем состоянии, и послал его им с предыдущим сонетом вместе и еще с другим, который начинается словами: Придите выслушать etc. Сонет, который я тогда написал это: За сферу ту.

Он имеет в себе 5 частей: в первой я говорю о том, куда направлена моя мысль, называя ее по тому действию, которое она производит. Во второй я говорю, зачем она идет туда, т. е. кто ее заставляет так идти; в третьей говорю, что она там видит, т. е. почитаемую

донну. И я зову тогда свою мысль странствующим духом, потому что она идет туда духовным образом, как пилигрим, который находится вне своей родины. В четвертой части я говорю, как мысль эта видит ее такой, т. е. с такими свойствами, что я не могу их постичь; это значит, что мысль моя возносится к свойствам той донны в такой мере, какой не может постичь мой ум; отсюда выходит, что ум наш так относится к этим блаженным душам, как глаз наш смиренный к солнцу; об этом говорит философ*) во второй части своей Метафизики. В пятой части я говорю, что хотя и я не могу видеть там, куда меня влечет моя мысль, т. е. к ее чудесным свойствам, но все же я понимаю это, т. к. в мыслях моих я слышу часто ее имя. И в конце этой пятой части я говорю: — о донны дорогие, чтоб дать понять, что я обращаюсь к доннам. Вторая часть начинается: Амурам плачущим; третья: когда предела; четвертая: и этот дух; пятая: я знаю лишь одно. Нужно было бы разуместь еще более подробно, и еще яснее растолковать, но можно обойтись и с этим разделением и потому я и не приступаю к дальнейшему **).

С о н е т 25.

За сферу ту, чье шире всех вращенье,
 Мой вздох из глуби сердца вылетает;
 Рыдающий Амур в него влагает
 Тот новый дух и вверх лететь стремленье.
 Когда предела он достиг влечения
 Он видит ту, что всякий прославляет,
 И странствующий дух мой созерцает
 Блестающую донну в восхищеньи.

*) Аристотель.

**) Вся эта глава как бы подготовка к «Раю» Божественной комедии. У поэта еще нет откровения, но есть уже предчувствие, что любовь к Беатриче вознесет его в эмпирей.

Но этот дух пытается напрасно
 Мне дать того, что видел описание,
 Ведь сердцу не понять слова такие,
 Я знаю лишь одно, о той прекрасной,
 О Беатриче в них напоминанье,
 Вот что я понял, донны дорогие.

ГЛАВА XLIII.

После того, как я написал этот сонет, предстало мне чудесное виденье и в нем я созерцал такие вещи, которые заставили меня принять решение — больше не говорить об этой благословенной, до тех пор, пока я могу сказать о ней более достойным образом. И в ожидании этого я стал учиться, сколько мог, как она о том, наверное, знает. Так что, если будет угодно тому, которым живы все вещи, чтобы моя жизнь продолжилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней нечто такое, чего никогда не было сказано ни об одной донне*). И потом пусть угодно будет тому, кто Господин Благородства, чтобы моя душа могла бы лететь туда, где она бы увидела славу своей донны, т. е. благословенной Беатриче, которая блаженно созерцает лицо того, кто благословен во веки веков. Аминь!

*) Это указание на то, что в голове поэта зародилась тогда мысль о Божественной комедии, которая была бы достойным памятником Беатриче. Видение это составило как бы ядро поэмы, так как его приурочивают к явлению Беатриче в земном раю. За ним следует полет по сферам небесным вместе с нею, — до него прохождение через ад в сопровождении Вергилия, т. е. земной мудрости. Беатриче надо здесь понимать как символ Божественного откровения.